

Не будьте Гаурдака

Каждый наследник
желает знать

7

Светлана Багдерина

Что для антигаурдаковской коалиции может быть хуже коварных врагов, туманных тварей, распоясавшихся стихий, безжалостных ренегатов и внезапных войн вместе взятых? Правильно. Обнаружить, что пятый Наследнический род прервался — абсолютно и безнадежно. Добавим к этому безжалостную войну, распоясавшихся ренегатов, внезапные стихии, коварных тварей и врагов в тумане, объединим их в едином порыве против Наследников — и будущее Белого Света станет выглядеть совсем безысходным. Но остается единственная надежда — на полупьяного менестреля, королевского голубя и совесть узурпатора.

Светлана Багдерина

Каждый Наследник желает знать...

— ...А я тебе говорю, Вань, наплюй ты на этого Дуба! Объяснять ему еще что-то будешь! В охапку его — и к Адалету! — сердито выговаривала Серафима.

Повторение в семь утра в десятый раз одной и той же мысли, хоть и в разных вариациях, долготерпению лукоморской царевны не способствовало.

— Нечего было ему выпендриваться: позволил бы людям со своим демоном парой слов перемолвиться, и все бы в порядке было! — убежденно внушала она супругу то, что уже поняли и с чем согласились не по разу все остальные пассажиры Масдая. — Подумаешь, коммерческая тайна! Про которую полкоролевства знало!..

Но у Иванушки, как ей было прекрасно известно, не было ни единого шанса попасть в категорию «все остальные» хоть когда-либо. То, что было элементарно и понятно для этих остальных, для ее мужа представляло непреодолимый барьер. И непреодолимый не в последнюю очередь потому, что преодолеть его он не мог и не хотел: скорее их ковер-самолет

пожелал бы научиться плавать, чем Иван — обманывать, хитрить и изворачиваться.¹

Вот и сейчас он оторвался от созерцания однообразного пейзажа предгорий, упрямо помотал головой в ответ на царевнины слова и насупился, в который раз вспоминая историю, произошедшую с ним и Агафоном прошлой осенью.

Тогда в поисках похищенной Змеем Серафимы они оказались в Атланде, которой правил Дуб Третий. Когда розыски окончательно зашли в тупик, местные надоумили, что единственный, кто сможет им помочь — ясновидящий горный демон, пленник короля. Дуб же, блюдя государственную тайну, которая тайной ни для кого давно уже не была, вместо того, чтобы выполнить просьбу гостей, бросил их в тюрьму. Правда, они бежали в тот же вечер, прихватив заодно демона, а с ним родственника короля — жуликоватого первого советника Тиса и еще с десяток попутчиков, но это вряд ли добавило им популярности в глазах сурового монарха атланов.

Которого и предстояло им сейчас забрать как наследника одного из Пяти родов Выживших.

И теперь Иван из соображений дипломатии,

---

¹ И поэтому очень часто Сеньке приходилось это делать за двоих.

приличий и политкорректности сочинял объяснительно-извинительную речь, которая сочиняться у него решительно отказывалась по той простой причине, что виноватым себя царевич не чувствовал.

— Нет, Сень, — вздохнул и произнес он, наконец. — Если бы я при нем увидел, в каких условиях он дедушку Туалатина держит, ничего в порядке бы не было. Только хуже.

— И обвиняли бы тебя сейчас не в похищении демона, а в цареубийстве, — преувеличивая — но ненамного — пошутил ковер.

— И камни стихий от его внука мы бы не получили. А без них осада Лукоморска неизвестно бы как закончилась, — поразмыслив над сослагательными наклонениями прошлогодней истории, присоединился к друзьям Агафон.

— С таким магом, как ты — да неизвестно? — скептически хмыкнул Олаф.

— Ну полгода назад-то всё по-другому было... несколько... — скромно усмехнулся его премудрие.

— Айвен, Сима права, — зябко поеживаясь под тонким суконным плащом, вмешалась в дискуссию Эссельте, принцесса Гвента. — Не за что тебе извиняться. И вообще, мне кажется, что этот Дуб вас с Агафоном даже не узнает — вы ж сами рассказывали, что ночь была, темно кругом, и

тем более, в казематах... А значит, ничего объяснять ему не надо будет. Чтобы его же не расстраивать. Самый верный подход. Я на своем отце знаешь, сколько раз проверяла!

— Чего не знает голова — душа о том болит едва, — галантно поверил женскую логику народной мудростью Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс, калиф Шатт-аль-Шейха, и девушка энергично закивала — то ли из горячего согласия, то ли из не менее горячего желания согреться.²

И, словно дождавшись сигнала, ее менестрель, Кириан Златоуст, медленно провел ногтем указательного пальца по струнам арфы и продекламировал нараспев, полуприкрыв сонные глаза:³

Напоминать о краже
Королевского предсказателя

---

² После шатт-аль-шейхской жары прохладные майские утра предгорья Красной Горной страны даже Олафу казались холодными, а что уж говорить об остальных...

³ А так как они и до этого у него находились в полуприкрытом состоянии, то вирши свои он прочел с глазами полностью закрытыми, а с последним аккордом погрузился в тревожный чуткий сон.

Ни Дубу, ни страже
Совсем необязательно.
Неизбежен будет крах,
Пагубны последствия —
Дуб нас вздернет на дубах
Без суда и следствия.⁴

— Золотые слова, — в кои-то веки согласился с поэтом чародей.

Иван же, борясь с соблазном и убежденным напором друзей, лишь неуверенно покачал головой и снова погрузился в созерцание открывающихся перед ним перспектив. Его представления о честности предписывали ему во всем сознаться, но без признания вины это выглядело бы обычным нахальством, а вины своей в освобождении пленника он не видел, хоть тресни... И оставалось ему только смотреть вниз на проплывающие под ногами холмы, шахты и дороги и надеяться, что при встрече всё как-нибудь само собой утрясется, потому что забот и поводов для беспокойства у них и без того было предостаточно.

Лукоморец отвел глаза от груженого чугунными и медными болванками обоза,

---

⁴ Здесь и далее Кириана «озвучивал» стихами Дмитрий Касич.

плетущегося по широкой мощеной дороге в сторону степи — с утра уже десятого или двенадцатого — и глянул на юг. Там над изорванной горными вершинами линией горизонта второй день подряд висела грязным пятном то ли туча, то ли странная тень. И сегодня, Иванушка мог бы поклясться, она стала чуть больше. Означало ли это какую-то невиданную погодную аномалию, или то, что Адалет, последний маг-хранитель, на встречу с которым они спешили, был прав, и Гаурдак действительно готов был восстать, царевич не знал, но отдал бы все, лишь бы оказаться свидетелем необычного природного явления, а не явления Пожирателя душ Белому Свету.

Что бы ни говорил Адалет о силе древних чар, позволявших наследникам Пяти родов удержать полубога-полудемона в его темнице всего лишь взявшись за руки, проверять действенность этого рецепта Иван желанием не горел, равно как и остальные Наследники. Ну может, только Олаф, самый молодой конунг в истории Отрягии, спал и видел себя в гуще хорошей драки.

Но всё же вряд ли в середине мясорубки.

До вычисленного Адалетом срока оставалось меньше недели. Шесть дней на то, чтобы добраться до столицы Атланды Атланик-сити, забрать Дуба Третьего и отыскать в Красной Горной стране старого мага.

Должно хватить.

Наверное.

Еще два дня назад Иванушка думал, что самым сложным из трех этапов окажется последний. Но теперь, когда черное облако намертво прилипло к горизонту и будто сверлило путников тяжелым враждебным взглядом, определить место встречи будет очень просто.

Хорошо бы, если бы Адалет был уже там...

«Если он еще жив», — закралась, откуда ни возмись, маленькая трусливая мыслишка, и Иван гневно сжал губы и с позором изгнал ее из головы. Далеко ли?.. Надолго ли?..

Когда месяца полтора назад они расстались с магом-хранителем, отправившись за третьим Наследником в Гвент, старик пустился догонять пятерку магов-ренегатов, возглавляемую его бывшим учеником Огметом. Пользуясь сложившейся тогда безвыходной ситуацией и обещая учителю помощь, тот выведал, где должен проснуться Гаурдак, и теперь единственной их целью было успеть на заветное место раньше Адалета и Наследников.

Вообще-то, изначально ренегатов было семь, но предусмотрительный Огмет разделил силы, отправив парочку с недвусмысленным приказом за Иваном, Серафимой и Олафом. И задание свое, хоть и не без труда, ренегаты выполнили бы... если

бы не вмешательство Агафона: магия студента Высшей Школы Магии Шантони, вооруженного теперь кроме разнообразных, но бессистемных знаний еще и посохом одного из самых могучих волшебников прошлого, не переставала удивлять окружающих.⁵

Иван невольно усмехнулся, вспоминая события прошедших недель, твердо сказал себе, что если бы Адалет упустил ренегатов или погиб, то на горизонте маячило бы уже не какое-то непонятное облако, а самый настоящий Гаурдак, и немного успокоился. В конце концов, до встречи с Дубом, а там и с Адалетом оставалось всего...

— Город!!! — радостно прошелестел под ними мохеровый голос Масдая. — Вижу город!..

После короткой дискуссии антигаурдаковская коалиция решила миновать такие условности как ворота, стража и замысловатая система официального допуска к королевскому телу. Масдай скользнул над оградой и устремился напрямиком к затерянному среди цветущего сада дворцу. Несколько кругов над обширным дворцовым комплексом, еще одно быстротечное совещание — и Иван с Агафоном в один голос

---

⁵ И первым в списке этих хронически удивленных неизменно стоял сам Агафон.

воскликнули: «Туда!».

Дружно указывая в противоположных направлениях.

— В какой очередности? — ковер завис рядом с черемухой, покрытой белой пеной цветов, и недовольно пошевелил кистями.

— Сначала сюда! — волшебник уверенно ткнул посохом в вычурное строение из синего и белого мрамора слева. — Тут зал аудиенций и кабинет, Тис говорил!

— Кто говорил? — безуспешно вспоминая незнакомое имя, наморщил лоб Ахмет.

— Тис, первый советник, родственник короля, которого мы из тюрьмы тогда с собой прихватили! — нетерпеливо протараторил волшебник. — Когда мы демона тут искали! Ну, так вот, Дуб сейчас должен быть там!

— А я думаю, там, — упрямо указал Иванушка на другое здание, по стилю схожее с первым, но выстроенное квадратом и из мрамора голубого. — Тут его личные покои. Времени еще восемь утра, от силы девять — ни один правитель в такую рань государственными делами не занимается.

— Точно! Тепленьким его брать! — поддержала мужа Серафима. — За шкурку пижамы, в окошко — и к Адалету!

— А мне кажется, он не любит поспать, —

повел могучими плечами Олаф, часто судивший людей по себе. — Мой отец, например, всегда спозаранку вставал!

— И мой тоже! — не преминула сообщить принцесса.

— А если любит? — возразил им Ахмет, к людям подходящий точно с такой же меркой, как юный конунг.⁶

— Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к сиххё пошлет... — скучным голосом проговорил разбуженный полемикой менестрель и с запоздалой резонностью добавил: — Спросили бы на воротах — уже бы у него были.

Но голос разума, как это часто бывает, утонул в пылу дебатов, и Кириан, состроив спорщикам, пока никто не видит, зверскую рожу, насупился и стал разглядывать сад.

Аккуратные бирюзовые мраморные дорожки с белыми бордюрами напоминали, скорее каналы. Вдоль них через каждые десять-двенадцать метров располагались скульптуры, неизменно изображавшие схватки людей с какими-то монстрами самых различных размеров и конфигураций. Между произведениями местного

---

⁶ А посему представить монарха, вскакивающего с постели раньше кухарки, не способный по определению.

искусства на строго вымеренном расстоянии друг от друга росли тщательно подстриженные и ухоженные яблони, вишни и какие-то еще плодовые или ягодные деревья, невиданные на его родине. Чуть глубже, среди ровного, как ковровый ворс, газона, заботливые садовники королевской фамилии высадили растения всех пород, какие только, казалось, существовали на Белом Свете: узамбарские пальмы, окруженные вамаяссьскими ирисами, сменялись лукоморскими березами, шантоньские каштаны касались ветками вондерландских дубов, опутанных лотранским плющом, стеллийские кипарисы перемежались отряжскими соснами... И между всем этим дендровеликолепием, словно заблудившийся оркестр, тут и там виднелись вездесущие статуи — но уже не с чудищами, а с трубами, трещотками и барабанами.

Полусонный бард, дивясь такому странному соседству, задумчиво протянул руку к черемухе, рядом с которой завис их ковер, ухватил благоухающую ветку, опушенную нежными белыми цветами, попытался отломить...

Оглушительный рев, треск и грохот разорвал нежную утреннюю тишину. Масдай, застигнутый врасплох, как всякий нарушитель границы инстинктивно рванулся с места прочь, не ожидавшие такого трюка люди повалились друг на

друга, а самый не ожидавший — и имя ему было, естественно, Кириан — вцепился мертвой хваткой в первое, что под руку подвернулось.

Вернее, в то, что в руке у него уже было.

Черемуховую ветвь.

Говорят, что даже самая маленькая и молодая ветка узамбарского дерева набатанга гонга банга способна выдержать вес самого большого и старого узамбарского же летающего слона. И еще говорят, что такое дерево благополучно росло и цвело и в саду Дуба Третьего. И в этом случае остается только вздохнуть о том, что ковер выбрал для остановки и маскировки от посторонних глаз такое непригодное для перегрузок растение, как простая черемуха.

Ветка в кулаке менестреля оказалась достаточно прочной, чтобы сдернуть его с ковра, но слишком хрупкой, чтобы удержать восемьдесят пять кило поэтического гения Аэриу. Она неслышно хрустнула, отламываясь, и цвет гвентянской поэзии, сбивая и кроша цвет королевского сада, в облаке лепестков, подобно бескрылой фее-переростку, устремился к клумбе с тюльпанами.

Изничтожить еще и эту гордость садовничьего отряда ему не позволило лишь одно обстоятельство: бутоны, желтые, розовые и белые, уже были втоптаны в землю каменными ногами

покинувших свои пьедесталы истуканов. И вместо трепетной красы не успевших распусться цветов менестрель приземлился в их далеко не столь мягкие и ласковые объятия.

Бдительные идолы, схватив погубителя зеленых насаждений, успокоились, побросали или закинули за спину свои инструменты и поволокли добычу прочь, то ли скрежеща каменными зубами, то ли просто сталкиваясь друг с другом.

— Караул... — даже не пытаясь вырваться, зажмурился, что было сил, и просипел миннезингер и стал ждать спасения. Ведь должны же были его спутники заметить отсутствие такого незаменимого члена экспедиции!

Почти тут же до слуха его донесся отдаленный топот тяжелых сапог по мраморным плитам. Или воины его отряда спешили так далеко и теперь торопились ему на подмогу своим ходом, или...

Караул?..

— Караул!!!

Менестрель панически задергался, слясь вырваться из гранитных объятий. Идолища оживились тоже. Одно из них сдавило запястья барда точно тисками, второе выдернуло из-под него брыкнувшиеся в негодование ноги...

— Убивают!!! — возопил менестрель, лишенный почвы под ногами. — Помогите!!!

Словно подстегнутые его воплем, шаги по дорожке зазвучали с удвоенной частотой — видно, производящие их личности и впрямь решили откликнуться на просьбу помочь убить.

— А-а-а-а!!!.. — кончились у Кириана слова и начались буквы.

— Вон они!!! — долетело из-за дальних чайных кустов, подстриженных под табун лошадей.

— Вон они!!! — божественным эхом донеслось с неба.

— Спаси-и-и-ите-е-е-е!!! — вернулся дар членораздельного ора к воодушевленному барду. — Карау-у-у-ул!!!..

В следующую секунду в нескольких метрах от них завис Масдай, и с него посыпался десант — Олаф, Иван, Сенька, Агафон и даже Ахмет с церемониальным крис-ножом кочевника наголо. Истуканы, почувствовав новый источник угрозы — хоть на этот раз не королевской растительности — быстро развернулись в боевом порядке навстречу.

Иванушка у скульптурной группы захвата был первым.

— Добрый день! Не могли бы вы отпустить нашего товарища? — протянул он к ней пустые ладони. — Произошло какое-то недоразу...

Горнист ростом под два с половиной метра и шириной всего на полтора метра меньше внезапно оттолкнул коллег и ринулся вперед. Если бы не

быстрота реакции Олафа, огревшего статуя по лбу топором через голову друга, Серафима могла остаться вдовой.

Искры и каменная крошка полетели из-под синеватого лезвия, монумент покачнулся, теряя ориентацию, и Сенька прыгнула, выбивая суженого с линии огня и опрокидываясь вместе с ним навзничь в лиловые лилии. А клумбу нарциссов, где мгновение назад стоял Иван, накрыл полутонной тушей контуженный горнист.

При виде первой победы конунг с радостным боевым кличем сдвинул рогатый шлем на затылок и бросился на противника, точно перед ним была не передвижная выставка скульптурно-магического искусства Атланды, а жидкий подлесок. Но опешившие было от такого нахальства идола быстро пришли в себя и, бросив пленного барда на самого маленького флейтиста, азартно накинулись на противника.

Спасая теперь уже отряга, во фланг разошедшимся монументам ударил Иван с волшебным мечом и Сенька с калифом. Но через несколько секунд, нарушая восстановившееся было равновесие, подоспел отряд дворцовой стражи, и Агафону⁷ пришлось поддержать друзей комками

---

⁷ Хотя и не уверенному до конца, так ли следует обращаться с имуществом и подданными их без пяти минут

синего огня. Он успел отправить к небу в столбах багрового пламени тройку пьедесталов, скамейку, фонтан и беседку, прежде чем враги и друзья, спасаясь от плюющихся искрами сгустков, сбились в плотную кучу и безнадежно перемешались. А всем известно, что при отсутствии оружия или возможности его применения, но при наличии желания его применить, сеча легким движением руки превращается в энергичную потасовку.

В разные стороны полетели шлемы, алебарды, обувь, ключья одежды, комья земли и куски камня. Один из них ударил Агафона в ухо, оглушив на несколько мгновений. Опомнился маг уже в гуще схватки, отчаянно вопящим и мутузящим каменную спину. По его спине, в свою очередь, тоже кто-то пытался то ли постучать кулаком, то ли походить ногами. Посоха в пределах видимости не наблюдалось, и лишь периодические душераздирающие вскрики показывали, что он цел и валяется где-то под массой дерущихся.

Эссельте в истерике металась по ковру в трех метрах от земли, сжимая кулачки и грозно вопя «Стойте!» и «Прекратите немедленно!», но ни стоять, ни прекращать драку, медленно или немедленно, никто не собирался, ибо остановиться

означало быть немедленно уроненным и придавленным более энергичными или воинственными товарищами и противниками.

Решил исход битвы при черемухе Масдай.

Вздыхнув всеми своими кистями и не полагаясь более ни на человеческую рассудительность, ни на невозмутимость каменных истуканов, он прицелился и резко опустил на кучу-малу, накрывая своими двенадцатью квадратными метрами, принцессой, багажом и припасами всех и одновременно, словно разволновавшихся кенаров в клетке.

Как ни странно, способ помог.

Не то магия, оживлявшая природоохранных истуканов, резонировала с магией ковра успокаивающим образом, не то завод их кончился, но памятники под ковром притихли как мыши и замерли. Зато люди принялись возиться с удвоенной силой — но уже пытаясь не поколотить друг друга, а выбраться из-под жесткой и грубой, словно наждак, основы ковра.

Первой на воле оказалась голова начальника патруля — лицо цвета приставшей к нему земли, смятый до конфигурации блюда шлем, заплывший глаз и глаз заплывающий... встретившиеся вдруг слегка расфокусированным взглядом с другой парой глаз под разбитым лбом — на другом конце ковра.

Рука капрала потянулась за мечом — и выпустила:

— Извините, что отрываем вас от дел, но не будете ли вы так любезны подсказать, где его величество принимает дружественные иностранные делегации в это время дня?..

Через час антигаурдаковская коалиция, умывшаяся, переодевшаяся и смазавшая синяки, шишки и ссадины фирменным бальзамом Друстана, чинно сидела в королевской приемной под надзором трех десятков воинственных гвардейцев. Олаф в ставшем однорогим и однобоким шлеме гордо поигрывал пальцами на рукояти топора, Агафон снисходительно усмехался, поглаживая посох, Иван лихорадочно собирал из заготовленных кусков оправдательную речь, Эссельте и Серафима, задрав носы, демонстративно игнорировали восхищенные взгляды солдат.⁸ Ахмета с Кирианом

---

⁸ Первая — в адрес своей внешности, вторая — на ажурную кольчугу цвета морской волны, тонкую и легкую, как паутинка, и прочную как молибденовая сталь — персональный подарок отца Масдая. Конечно, Олаф, Иван, Агафон и Ахмет получили точно такие же подарки, только серебристых тонов, но скромно носили их под одеждой, где им и было, по их мнению, место. Серафима же была убеждена, что прятать такую красоту от людских очей — все равно, что носить ожерелья под платьем, а кольца — под перчатками. И Эссельте, получившая от старого волшебника

больше всего интересовали апартаменты и убранство. Первый оглядывал их слегка ревниво, сравнивая со своими покоями, второй — хищно щурясь из-под бинтов подбитыми глазами и прикидывая, что из увиденного можно будет подвергнуть остракизму в сатирическом памфлете, клеймящем позором атланское «гостеприимство».

Впрочем, с точки зрения любого государя, обстановка и украшения королевской приемной были более чем скромные. Резные панели из мореного дуба, замысловато инкрустированный шпоном потолок, картины в деревянных рамах, мебель — удобная и красивая, но без единого признака позолоты... В доме купца, чиновника или военного такая комната смотрелась бы роскошно. Но в королевском дворце, да еще в стране, соперничающей своим богатством с самим Шатт-аль-Шейхом, видеть исключительно деревянный интерьер было странно и непостижимо. Если бы не наборный паркет из четырех дюжин сортов редчайшей древесины самых разных и неожиданных оттенков, от розового до голубого и изумрудного, в хваленем благосостоянии короля атланов можно было бы и усомниться.

Гулкие тяжелые шаги за дверью,

точно такой же дар, была единственной, кто с ней соглашался.

отгораживающей зал аудиенций от приемной, заставили друзей встрепенуться и насторожиться.

— Ну наконец-то... — брюзгливо поджал разбитые губы калиф. — Заставлять нас ждать на этом дровяном складе как каких-то... *посетителей* ... не делает чести правителю Атланды.

— Ничего, — скривился в улыбке сомнительного качества чародей. — Сейчас он искупит свою вину, распахнув собственноручно двери и объятия и сообщив, как он сожалеет о происшедшем и сгорает от нетерпения присоединиться к нам.

— Но сначала мы должны ему все рассказать, — бледный, но решительный Иванушка поднялся с диванчика, шагая навстречу открывающейся двери...

И замер.

— Его величество ждет вас в своем кабинете, — торжественно и звучно проговорил камергер, и необъятный живот его под придворным мундиром колыхнулся, как жележный торт, от троекратного стука жезла об пол.

— Даже не вышел! — потемнела от гнева физиономия Ахмета. — Словно между нашими родами нет никакой связи!

— Если еще и его придется уговаривать... — предчувствуя неладное, покачала головой Эссельте.

— Уговорим, — показательно игнорируя три

десятька насторожившихся громил, переглянулись Олаф и Агафон.

— Демона украли, сад разгромили, стражу побили, чего бы еще такого сделать, чтобы он нас полюбил?.. — пробормотала царица, томно глядя в потолок.

— Прошу! — вышколенный камергер отступил на шаг в сторону, не подавая и вида, что слышал сейчас что-то, кроме стука своей палки, и распахнул перед гостями вторую створку двери.

Первое, что бросилось друзьям в глаза — еще полтора десятка гвардейцев. В полном комплекте бордовых доспехов, с мечами наголо, они стояли везде: у окон, у камина, у входов, ведущих в другие покои... Двое из них — офицеры, судя по знакам различия на нагрудниках — расположились по обеим сторонам письменного стола в дальнем конце кабинета. За столом, склонив голову над бумагами, с пером в руке и в такой же кирасе, как его охрана, сидел человек.

При звуке шагов он приподнял голову и подал сигнал одному из офицеров. Тот взялся обеими руками за спинку королевского кресла... и покатило его из-за стола навстречу гостям.

Иванушка ахнул, позабыл заготовленные слова, и варианты, один другого катастрофичнее, заметались в его мозгу.

Дуб Третий заболел? Ранен? Или это не он, а

его дед — Дуб Первый? Когда в прошлом году они видели его на праздновании столетия, тот тоже передвигался только в кресле-каталке... Но что тогда случилось с его внуком?

— Не могу сказать, что рад вас видеть, доблестные Наследники... — слабо выдохнул человек в кресле, и при звуке этого голоса сердце Иванушки дернулось отчаянно и пропустило такт. — Сообщать дурные новости — всегда задача не из приятных и легких... Тем более, такие ужасные...

Офицер остановил кресло шагах в пяти от застывшей у порога группы, и лукоморец с волшебником впервые получили возможность разглядеть расположившегося в нем под толстым клетчатым пледом человека.

— Советник... Тис?..

Атлан напрягся и замер, точно почувствовал у горла клинок, глаза его, утомленно полуприкрытые, на мгновение превратились в настороженный прищур бойца, впились в лицо царевича... и снова потухли.

— Не имею чести быть знакомым с вами, благородные дамы и господа, — король откинулся на спинку кресла, и голос его прозвучал приглушенно и устало, точно удивительные перемены всего лишь почудились Иванушке. — Если мы встречались раньше, соблаговолите

напомнить обстоятельства.

— *Мы* не встречались с вами раньше, — ележно — и в кои-то веки, абсолютно честно проворковала Серафима, не давая супругу открыть рта. — Но слава о мудром и дальновидном друге его величества Дуба Третьего разлетелась далеко за пределы Атланды. Купцы Лукоморья и Лесогорья, которым довелось побывать здесь, отзываются о вашем неожиданном величестве исключительно в превосходной степени!

— О моем... э-э-э... да?.. — сказать, был ли Тис сбит с толку или польщен, затруднился бы сейчас даже он сам.

— Безусловно! — восхищенно округлила глазки Эссельте, по наитию подыгрывая подруге. — В Гвенте слух о первом советнике Тисе достиг даже королевской семьи!

— Кхм... — под напором тяжелой артиллерии принцессиных очей укрепления его свежеиспеченного величества пали, и по щекам, заливая нездоровую мучнистую бледность и теряясь в бакенбардах, расплескался румянец. Худая рука Тиса поднялась с коленок и махнула застывшим в простенках между окнами гвардейцам:

— Поставьте кресла там.

Король скомандовал тихо, но слова его были услышаны, и через минуту гости короны уже

располагались с комфортом с одной стороны массивного письменного стола.⁹ С другой его стороны, навалившись грудью на край, устроился Тис, за частоколом из перьев, крепостной стеной письменного прибора и сторожевыми вышками настольных ламп¹⁰ напоминая больше осажденного мятежного вассала, чем хозяина.

— Ваши величества... ваши высочества... — приветствуя еще раз визитеров, едва заметно кивнул хозяин кабинета¹¹ и скривился, словно малейшее движение головы причиняло ему тяжкие страдания.

— Поскольку печальные события последних недель, произошедшие в Атланик-Сити, вам неизвестны, то начну с самого начала... — изобразив лицом раздумье и скорбь, медленно

---

⁹ Для усугубления ли комфорта или для уменьшения его, так как много комфорта — тоже зло, за спинами их, всего в паре метров, выстроились все три десятка гвардейцев из приемной.

¹⁰ «Наконец хоть что-то золотое», — с сострадательным облегчением подумал Ахмет.

¹¹ Каким-то непостижимым образом под покрытие королевского кивка не попал лишь усевшийся в самую середину Кириан.

заговорил король. — Почти месяц назад рано утром... приблизительно как вы сейчас... во дворце, минуя стражу у ворот, появились два человека. Не знаю, какими средствами они добились своего... наверное, у людей, способных проникнуть незамеченными в пределы дворца, такие средства имеются... но его величество Дуб Третий согласился встретиться с ними очень быстро. Разговор проходил наедине, поэтому о чем беседовали незнакомцы с нашим монархом, сказать не может никто. Но это теперь и неважно. Кончилось тем, что они стали его почетными гостями и прожили во дворце в самых лучших гостевых покоях с неделю, может, чуть больше. Каждый день король встречался с ними и разговаривал — иногда по целому часу. За это время все во дворце успели привыкнуть к таинственным визитерам, хотя никто так ничего про них не узнал — даже имен. Но вдруг в один далеко не прекрасный день, когда я ожидал в приемной с докладом, двери этого самого кабинета распахнулись, и навстречу мне вышла та парочка и Дуб.

Тис склонил голову набок и покачал ею, будто в крайнем изумлении.

— Боги и демоны!.. Таких пустых глаз, как у него, я не видел сроду даже у городских сумасшедших!.. Не знаю, что подумали бы на моем

месте вы, но я сразу заподозрил неладное. Не раздумывая, я преградил им путь и спросил, куда они направляются. Один из гостей ответил, что прогуляться в сад. Я сказал, что обращался не к нему, а к его величеству. Они оттолкнули меня. А король... король все это время шел вперед, не проронив ни слова, будто заводной солдатик! Наверное, мне стоило позвать стражу, или притвориться, что поверил, и бежать в поисках Бересклета, придворного мага. Но кто же знал, что они окажутся колдунами... ничто не предвещало... Да, я растерялся — ведь не каждый день у меня из-под носа похищают моих сюзеренов!..

Голос бывшего советника драматически затих, расфокусированный взгляд устремился куда-то в небытие, а голова, точно маятник, стала покачиваться из стороны в сторону, изображая высшую степень сожаления и бессилия.

Почти все гости в сочувствии закивали.

— Эти двое! — пальцы Олафа, предпочитавшего театру кулачные бои, сжались на подлокотнике кресла так, что дерево треснуло. — Клянусь Мьёлниром, это были реньи гады!

— Кто?.. Вы их знаете? — моментально вскинулся Тис, словно не было его медитативного полузабытья.

— Встречались, — угрюмо отозвался Иванушка.

— И что же было дальше? — нахмурился калиф. — Что случилось с Дубом?

— Не знаю, какие планы имели на него эти двое, но на первом этаже им не посчастливилось наткнуться на Бересклета. Похоже, он тоже почувал неладное, завязалась битва, и...

— Что с Дубом? — тоном, ледяным от непонятого гнева и очень понятного предчувствия катастрофы, проговорила Сенька.

— Он погиб, как и наш чародей, — одарил ее оскорбленным взором новый король.

— А его дед? — спохватился Агафон. — Мы могли бы забрать его!

— Старый король был в своих покоях, когда туда ворвались эти колдуны, разметав дворцовую стражу, хотя стражи там было всего ничего — обычный почетный караул в коридо...

— Что с дедом? — нетерпеливо раздула ноздри царевна.

— Придворные и прислуга до сих пор боятся заходить в это крыло, — холодно глянул на Серафиму король. — Не то чтобы там можно было что-то отремонтировать или убрать. Когда-либо.

— Было бы любопытно поглядеть, — заинтересовался менестрель, но в ответ получил лишь стеклянный, полный презрения взгляд.

— Кириан, это бестактно! — рассерженно прошипела ему на ухо принцесса, и поэт

незамедлительно соорудил горестную мину.

— Позор и пепел на мою несчастную голову... удар каменного кулака по затылку не всегда позитивно отражается на способности формулировать мысли... — приниженно, но с намеком погладил он себя по белой повязке. — На самом деле я хотел спросить, как ваше бесстрашное величество, образец отваги и предприимчивости, угораздило остаться в живых там, где пал чародей и король.

— Кири...

— Ах, опять мильпардон моветон... — торопливо закатил глаза бард. — Не обращайтесь внимания: между полушариями моего контуженого мозга сегодня положительно возникает когнитивно-экспрессивный диссонанс.

— Что у него возникает? — замороженный медицинскими откровениями Тис на несколько секунд забыл, что не только говорить, но даже здороваться с простыми виршеплетами — ниже его свежеиспеченного королевского достоинства.

— У Кириана Златоуста, впечатленного услышанным, возникает неконтролируемое желание сочинить хвалебную оду на ваше восшествие на престол, — серые очи Сеньки излучали искреннюю озабоченность в мегаваттном диапазоне, — но без знания подробностей вдохновение отказывается приходить, и это терзает

его поэтическую душу.

— Ах, подробностей... — мученическая улыбка скользнула по тонким губам короля, и он откинулся на спинку кресла с некоторым облегчением. — Всех интересуют подробности... Но их мало. Разъяренный, я бросился к колдуну, который был ближе ко мне, ударил что было сил в его мерзкую рожу, и вдруг перед глазами моими вспыхнули круги... Больше я ничего не помню. А когда очнулся, то ноги мои отказывались мне повиноваться, хоть и сохранили чувствительность. Лекари и знахари утверждают, что это последствия заклинания, науке неизвестного.

— И ничего нельзя поделаться? — сочувственно подался вперед Иванушка.

— Нет, — со странным самодовольством проговорил Тис. — Но кое-кто из них считает, что действие проклятья может пройти само по себе. Со временем. Для оды этого достаточно?

— Более чем, — менестрель смиренно опустил очи долу под обжигающим взглядом принцессы.

— Тогда не смею вас больше задерживать, — сухо улыбнулся король. — Более важные дела, чем разговоры с инвалидом, без сомнения, ждут вас.

— Да...

— Но...

— Но... но без пятого Наследника...

— Погодите, мы понимаем, что Дуб Третий был неженат, но может, у него были бастарды? — осенило лукоморца.

— Да, был. Один, — кивнул Тис.

— Где он? — отряг подскочил, и массивное кресло, отлетев, едва не зашибло стоявшего за ним солдата.

— Со своим отцом, где бы он теперь ни находился, — философски развел руками монарх Атланды. — Он был конюхом и упал с сеновала едва ли не на следующий день после печальных событий.

— И?.. — затаив дыхание, прошептала Эссельте, все еще надеясь на счастливый исход.

— И сломал себе шею, — повел плечом под кирасой Тис.

Гости удрученно смолкли, осмысливая невероятные новости.

— Но друзья мои! Есть же его величество Тис! — встрепенулся вдруг калиф. — Как бы ни страдало ваше величество от ран, полученных в благородной схватке, наш чудесный ковер доставит вас к месту встречи бережнее, чем мать — свое единственное дитя!

— Был бы польщен знакомством с самим магом-хранителем Адалетом, — криво усмехнулся король. — Но, боюсь, от меня там пользы будет не больше, чем от любого другого человека в нашей

стране. Моя матушка была сестрой жене Дуба Второго. Родство не по крови.

— Погодите... Но это значит... — Агафон, стряхнув подавленное оцепенение, растерянно оглядел товарищей, точно ища в угрюмых, сосредоточенных лицах опровержение. — Это значит...

— Да, увы, — сдержанно кивнул король. — Как бы прискорбно ни звучало, это значит, что пятого Наследника Белый Свет лишился навсегда.

— Но... этого не может быть... это неверно... неправильно... этого просто не может быть... — как заклинание повторяла Эссельте, ошеломленно моргая. — Это... это... Но как мы теперь?!..

— Кабуча... Кабуча габата апача дрендец!!!..

От грохота посоха по паркету гвардейцы подпрыгнули и схватились за мечи, но чародей даже не среагировал: обхватив свое оружие, он навалился головой на стиснутые пальцы и зарычал сквозь зубы что-то невнятное, но отчаянное и яростное.

— Ты не виноват, — разобрал или угадав скомканные фразы, Иван сочувственно опустил руку ему на плечо. — Ты не мог знать... Ты же думал, что под колпаком они пробудут достаточно долго...

— Думал, думал... Да я вообще тогда ни о чем не думал, идиот!!! Обрадовался, посох получил,

двоим нос утер — мальчишка, молокосос, сопляк — правильно они меня называли, правильно!!!..

Новый удар посоха, сопровождающийся теперь россыпью мелких молний, заставил посыпаться с потолка инкрустацию и светильники. Гвардейцы и офицеры рванулись было к визитерам, но, налетев на незримую стену, словно мячики отлетели к стенам.

Король, побелев как мрамор и не сводя расширенных от ужаса глаз с разбушевавшегося волшебника, вжался в спинку кресла и замер неподвижно, будто сам превратился в статую.

— Болван!!! — грохотал разъяренно голос чародея под сводами кабинета, и витражи в окнах лопались, осыпая паркет и проходящих в чувства солдат разноцветным дождем.

— Агафон! — гневно воскликнула принцесса. — Что ты делаешь! Мы в гостях!

— Да... — маг начал было перечислять, что он думает про хозяина, про его гостеприимство в частности и про всю страну вообще, но, перехватив взгляд Сеньки, лишь скрипнул зубами и иступленно вдавил наконечник посоха в паркет.

Из дыры пошел багровый дым, и невидимые стены пропали.

— Извините... ваше величество... — так же сквозь зубы, но уже с натужной попыткой к вежливости, произнес волшебник. — Я... не

сдержался. Новости... плохие.

— Некоторые гонцов, приносящих дурные известия, просто убивают, — покривил губы в деревянной улыбке Тис. — Я предпочитаю твой подход, маг.

— Агафон не хотел, ваше величество! — пылко проговорила гвентянка. — Простите его!

— Ради ваших прекрасных глаз, ваше высочество, я готов простить всё, что угодно и кому угодно, — снова — но на этот раз несколько натуральнее и шире — улыбнулся король.

— Эссельте, спокойно, тебе вредно волноваться, — бережно приобняла ее за плечи Серафима. — Это только ты думаешь, что удар головой — пустяк, а ведь последствия могут сказаться даже спустя некоторое время, особенно если так переживать!

— Но я не ударя...

— В парке, когда ты упала с Масдая, — сочувственно заглянула ей в глаза царевна.

— А...

— Да, я об этом. О самый пьедестал.

— Но я...

Серафима озабоченно прикоснулась к голове подруги, раздвинула волосы над ухом, приблизилась, вглядываясь во что-то, видимое только ей, и, наконец, опустила золотистые кудри гвентянки на плечи.

— Конечно, кроме припухлости нет ничего...
Не болит?

— Нет, что ты! Только голова кружится, но совсем немножко, а так — все прекрасно!

— Кружится? — встревожилась царевна.

— Чуть-чуть! И уже прошло! — беззаботно отмахнулась гвентянка.

— Но если не болит — это не значит, что все обошлось.

— Ты знаешь, наши лекари всегда говорят то же самое, — кивнула она, покачнувшись вдруг и ухватила за плечо Олафа.

— Эссельте?.. — проворно подхватил ее отряг.

— Ничего... Я просто оступилась... — слабо улыбнулась встревоженным взглядам друзей принцесса.

— Ну что ж, милостивые государи и государыни, — не дожидаясь окончания женского консилиума, развел руками Тис Первый. — Сожалею, но ничем больше помочь вам не могу, кроме совета. Полагаю, вам стоит поторопиться встретиться с его премудрием Адалетом. Насколько я понимаю, если кто и способен придумать что-то в сложившейся ситуации, так это он.

— Да, премудрый Адалет придумает, несомненно! — оживился калиф. — Умная мысль, ваше величество, подобна золотой монете —

никогда не бывает лишней!

— Благодарим за внимание, ваше величество, — поклонился Иванушка.

— Хотел бы я, чтобы наша первая встреча произошла при более приятных обстоятельствах, ваши величества, ваши высочества, — холодно склонил в ответ голову король, давая понять, что аудиенция закончена.¹²

Гости также раскланялись и попрощались в меру воспитанности и желанья, и под сверлящими взорами гвардейцев двинулись к выходу.

Эссельте упала почти на самом пороге.

Коротко стриженный упитанный знахарь лет пятидесяти, персональный лекарь его величеств Дубов Первого и Третьего, равно как и Тиса Первого Фикус, как он помпезно представился, распрямился, потирая кулаком затекшую поясницу, и обернулся к гостям. Поглаживая пухлой ладонью щеку, он оттопырил нижнюю губу и сосредоточенно свел брови над переносицей, будто обдумывая нечто важное. Друзья, сбившиеся на время осмотра в плотную обеспокоенную кучку в дальнем конце отведенных Эссельте покоев,

---

¹² А также, что вторых встреч с ними, равно как и третьих, четвертых и последующих — ни приятных, ни неприятных — до конца своей жизни он не планирует.

поняли, что пришло время вопросов, и устремились к нему как на приступ в такой же тесной формации.

— Ну, как она? — первым заговорил отряг.

Знахарь удовлетворенно кивнул, с шумом выдохнул и провещал важно и с расстановкой, оглядывая окруживших его людей:

— Не думаю, что ее высочество получила серьезную травму. Небольшое сотрясение, судя по симптомам.

— Какие снадобья понадобятся, чтобы прекрасный цветок Севера восстановил свои силы? — правитель Шатт-аль-Шейха обеспокоенно заглянул в одутловатое лицо доктора.

Тотчас же превратившееся из широкого в длинное.

— Извините, ваше величество, но я не ботаник, я медик, — растеряв пафос, заморгали часто и растерянно белесые глазки, — а после того разгрома, что ваши величества и ваши высочества учинили в парке, я слышал, клумбы восстановлению не подлежат вообще, только если всё перекопать и посадить заново, и газон тоже, и некоторые кусты, и черемуха тоже, какая жалость, говорят, ее сломала статуя, которую кто-то зашвырнул чуть не на самую вершину, просто не могу представить, сколько это будет стоить казне...

— Ахмет спрашивает, чем ты собираешься лечить нашу Эссельте, — перевел Олаф, за время

пути успевший привыкнуть к цветастой, как клумба садовника-дальтоника, речи калифа, и находивший ее в высшей степени забавной.¹³

— Ах, это... — знахарь стушевался и поспешно прихлопнул рот ладошкой, опасаясь, не наговорил ли он чего лишнего, ведущего к международному если не скандалу, то конфузу.

— Да, конечно! — с нетерпением подтвердил Кириан.

— Медицина в таких случаях предписывает, что самое лучшее лекарство — покой. Несколько дней постельного режима, хорошего ухода, сбалансированного питания — и про падение ее высочество забудет напрочь.

— У нее что-то случится с памятью? — заволновался калиф.

— Э-э-э... с памя... — начал было озадаченно лекарь, но сообразил, что мог иметь на этот раз в виду его великолепие, и благодушно отмахнулся от опасений: — Нет, что вы, ваше величество, с памятью у ее высочества все в порядке. Заявляю с полной ответственностью как королевский врач, что никаких опасений за ее здоровье у меня нет.

— Практикуясь на одних королях, много опыта не приобретешь, — с сомнением

---

¹³ Особенно при подобных обстоятельствах.

нахмурилась Серафима.

— Вы мне не доверяете? — уязвленно насупился эскулап.

— Моя троюродная бабушка — знахарка, — словно извиняясь, пожала плечами царевна. — И она всегда подчеркивает, как важна для человека медицины практика. А Дуб, насколько мне известно, был здоровья богатырского, а кроме деда семьи другой у него не было... Поймите нас правильно, нам всем очень дорога наша Эссельте, и если есть хоть малейшее сомнение...

— Ах, вы об этом... — смешался Фикус. — Нет... по правде говоря... я... э-э-э... не только их величества пользовал... но и всех, кто живет во дворце... от министра до конюха...

— Бедняга... — покачал головой Ахмет, и черные выразительные глаза его сделались еще темнее и печальнее. — Это ужасно...

— Тронут вашим сочувствием, ваше величество, но работы у меня не так уж много, — сбитый с толку, расшаркался лекарь.

— ...Какая жестокая судьба... Свалиться с сеновала, на котором трудился всю жизнь — и вот так вот... — точно не слыша слов знахаря, продолжал калиф.

Почтенный врачеватель, снова не уловивший причудливый полет ассоциаций шатт-аль-шейхца, стушевался до невозможности, покраснел, не зная,

кого винить в очередном конфузе, и чтобы сгладить неловкость — перед самим собой, в первую очередь — забормотал, энергично, хоть и не слишком связно:

— Вообще-то, Каштан не совсем свернул себе шею... чтобы не сказать, совсем не... Если быть точным, он проломил голову о ведро... очень неудачно ударился при падении — самым темечком...

— Там высоко? — быстро полюбопытствовал волшебник.

— Не очень, метра два, не больше... но, видно, судьба, как справедливо заметил его величество калиф Ахмет Гийядин.

— Да уж... судьба... — хмыкнул отряг, и тут же горделиво добавил: — Вот я как-то свалился с коня — и тоже головой на ведро. Так ведро — в щепки, а голове — хоть бы что!

— У вашего величества деревянные ведра? — пораженно расширились глаза Фикуса.

— Ну не железные ведь! — хмыкнул рыжий конунг.

— Богатство вашего королевства должно быть невероятно... — с почтением склонился лекарь. — А в нашей стране делать ведра из дерева — непозволительная роскошь, доступная только королю, но зачем королям ведра?..

— А из чего же ведра у вас? — ошеломленно

установился на знахаря Иванушка.

— Из меди, ваше высочество. Дешево и практично. Но, похоже, падения на них слишком пагубно отражаются на здоровье... Бедняга Каштан... воистину, злая судьба. Еще несколько дней — и быть бы ему королем... подумать только...

— Королем?! — изумленно вытаращил глаза калиф. — Но он же...

— Да, ваше величество, он бастард, — в кои-то веки уловил ход размышлений южного гостя знахарь, — но по закону нашего королевства при отсутствии законных наследников, то есть родных детей монарха, рожденных в браке, престол наследуется его бастардами в порядке старшинства по мужской линии, а если таковых не окажется — то по женской. Только не спрашивайте меня, чем это обусловлено — закон есть закон, какой бы... э-э-э... удивительный... он ни был.

Но никто из присутствующих и не подумал просить пояснений на этот предмет.

— А наследники-женщины... из незаконнорожденных... у Дуба Третьего были? — заинтересованно приподняла голову с подушки принцесса.

— Женщины?..

Врач прикусил губу, а глаза его панически забегали по комнате — с картины на картину, с

портьеры на портьеру, словно он рассчитывал прочесть верный ответ — или получить подсказку — там.

— Эссельте, лежи смирно! — сурово обернулась к ней Сенька и, пока никто не видит, одобрительно подмигнула. — Тебе нельзя перевозбуждаться!

— Нет, я не могу лежать смирно и не перевозбуждаться, пока не узнаю! — капризно надула губки гвентянка. — Это же так волнительно!.. Такие события!.. И опять, как всегда, женщины остаются за бортом только потому, что они — женщины! Лекарь, ответь же мне, пожалуйста, не молчи, как ваши садовые истуканы!

— Я... да... мне пора идти... очень срочное дело... я вспомнил... вдруг... — невпопад и сбивчиво затараторил Фикус, не глядя гостям в глаза, подхватил саквояж, и с таким видом, точно ожидал, что его вот-вот начнут бить, проворно попятился к двери. — Я... доложу его величеству Тису о состоянии ее высочества... сообщу о предписанном лечении... незамедлительно... засим откланяюсь... был счастлив услужить... оказаться полезным... до свидания... ваши величества... ваши высочества...

Заведенная за спину рука знахаря резво нащупала ручку, дверь распахнулась перед ним и через секунду прикрылась, мягко щелкнув язычком

замка.

В комнате на несколько мгновений повисла задумчивая тишина.

— Если бы я замахнулся на него топором, он вряд ли выскочил бы быстрее, — дивясь, первым нарушил молчание Олаф.

— То, что он не... — заговорил было Иванушка, но супруга его опередила.

— Кириан, солнце наше поэтическое, — ее взгляд нашарил среди товарищей пристроившуюся на кресле у окна насупленную фигуру. — Твоя лютя с тобой?

— Всегда со мной, — любовно погладил менестрель изысканный подарок калифа взамен погибшей под развалинами в Шатт-аль-Шейхе.

— Пожалуй, мы все были бы сейчас не прочь послушать что-нибудь задушевное, продолжительное и экспрессивное, — мечтательно закатила глаза Сенька, и едва уловимая шкодная ухмылка прошмыгнула по ее губам и пропала.

Бард, готовый уже с негодованием отказаться, ссылаясь на дюжину причин, среди которых не последнее место занимало утреннее побоище и отсутствие еды уже в течение нескольких часов, насторожился.

— Ну если вашему высочеству очень желается?..

— Чрезвычайно, — обворожительно

улыбнулась царица и как бы невзначай оглядела гобелены и занавеси на стенах апартаментов — по которым минута ранее метался взор атлана. — Превзойди сам себя, Златоуст — такой благодарной аудитории у тебя еще не было, клянусь.

— Баллада о Сколопендре и Дихлофосе подойдет для утешения слуха моей разборчивой публики? — деловито поинтересовался менестрель, подвигая кресло поближе к кровати принцессы и собравшемуся вокруг нее военному совету.

— Именно ее я и хотела заказать! — просияла Сенька.

— И пусть враги опасаются... — ухмыльнулся в кулак Агафон, имевший однажды возможность прослушать сие бессмертное творение Кириана от начала до конца.

Миннезингер тонко улыбнулся, пробежался умелыми пальцами по струнам, возвращая на место загулявшие тона и полутона, откашлялся — и грянул:

Ныне спою я вам песнь о любви
беспримерной,
Той, что в веках остается и сердце тревожит
Всем без разбора: и девам младым и мужам
сребровласым,
Рыцарям гордым и домохозяйкам прилежным,
Знатным вельможам и престолюдинам и

среднему классу;

Той, что подобно светилам, с небес
полыхающим ярко,
Светит для смертных огнем своим
неугасимым...

— Премудрость твоя, о дева, чей разум подобен булату, сомнению подвергаться не может, но за что нам, несчастным, после всего, что уже стряслось, еще и *это* ?.. — заморгал калиф и жалобно скосился на барда, самозабвенно заливающегося певчей вороной в брачный период.

— Это не нам, — оказался более прозорливым волшебник. — Сима боится, что нас подслушивают — видел, как лекарь глазами по стенкам стрелял?

— Выйти и разгромить всех соглядатаев... то есть, этих... — отряг гневно стиснул рукоять любимого топора, порылся в голове в поисках соответствующей пары глазастому слову, не нашел, плюнул и продолжил как мог: — ...подслушатаев... к Хель и в преисподнюю!

— Не найдешь, где прячутся, — грустно, но решительно отмела предложение Сенька — словно сама только что рассматривала такой вариант.

— Агафон по стене из посоха шархнет — сами быстро найдутся! — не сдавался конунг, разъяренный одной возможностью подобной низости со стороны Тиса.

— Разнести полдворца, перебить тех, кто не успеет убежать, остальных — ловить и допрашивать? — скептически усмехнулся маг.

— Точно! — обрадованный пониманием, заулыбался Олаф.

— Так нельзя, — строго нахмурился Иван.

— Почему? — насупился в ответ отряг. — Им подслушивать, значит, можно...

— Они дома, — принимая правила игры, пожала плечами Серафима.

— И что это значит? — упрямо отказывался понимать рыжий конунг.

— Это значит, что «всем по башке, а Тису — три раза» оставим в качестве запасного варианта, — несколько неохотно признала царевна. — И вообще, пока не кончилась балда... баллада, в смысле... какие будут другие предложения по дальнейшим действиям?

Напоминание о том, что кроме разнесения дворца по камушку было нужно делать еще что-то, моментально успокоило воинственные настроения и опустило боевой дух отряда ниже погребя.

— Наверное, Тис прав... — угрюмо вздохнул Иванушка. — Нужно лететь к Адалету...

— Но мы не можем лететь к нему с пустыми руками! — пылко вскричал калиф.

— Лететь, и не попытаться выяснить, кто и где внебрачная дочь Дуба?.. — возмущенно

подскочила на кровати принцесса, но тут же была уложена обратно суровой Серафимой — на случай, если подслушатаи все же окажутся еще и соглядатаями.

— ...И что стало с дедом Дубом? — нахмурился отряг.

— ...И кто убил конюха, — добавила Сенька.

— А с чего, о разумная дева, ты взяла, что его убили? — настороженно прищурился Ахмет.

— Место раны, — немногословно пояснила она. — Фигус прав: чтобы при падении получить рану на темечке, он должен был грохнуться с сеновала строго вертикально, как бревно. Значит, его стукнули. Почему — понятно и так. Но кто?

— Кто?... — лицо Ивана потемнело. — Кому выгодно, конечно!

— Ну, Тис... кабуча старая... подсуетился... — скрипнул зубами волшебник. — Бастард наследует королю... В первый день побоища никто об этом не вспомнил. Кроме него, конечно. Ну и, может, самого Каштана... на свою голову...

— Но тогда мы должны срочно отыскать дочь Дуба — она ведь есть, иначе бы знахарь не отказался нам отвечать! — горячо воскликнул царевич.

— Если Тис уже не нашел ее, — оптимистично прошелестел с изножья кровати

Масдай.

— Кабуча!!!.. — стиснул на посохе пальцы чародей, и под потолком разрываемым шелком затрещали мелкие синие молнии.

— Спокойно! — торопливо призвала Сенька, хотя, судя по ее виду, спокойствие сейчас числилось последним в списке испытываемых ею эмоций. — Может, Тис еще и не виноват.

— А кто, кроме него?! — возмущенно, точно это его, а не подлого советника обвинили в убийстве, подскочил лукоморец.

— Ренегаты, — неохотно выдавила Серафима.

— Рене...гаты?.. — нервно пискнула Эссельте и впервые за всё утро и вправду стала похожа на больную. — Но разве они не сбежали... после убийства Дубов?..

— Могли не сразу сбежать, — сумрачно вздохнула царевна, — а сперва пройтись по бастардам. Иначе резня во дворце не имела смысла.

Значение ее предположения опустилось на компанию подобно самой большой и самой тяжелой на Белом Свете могильной плите.

— Значит, все остальные наследники Дуба — тоже на их черной, как кишки вишапа, совести? — угрюмо нахмурился Ахмет.

— Есть такой вариант... — вздохнула Сенька.

— К-кабуча... — только и смог произнести сакраментальное Агафон.

Военный совет сумрачно притих, осмысляя перспективы — вернее, полное их отсутствие.

— ... Пруд зашумел, забурился, и в плескании бурном,

Сколопендрита из недр пруда появилась,
Яростно фыркающая и головою мотая,
Воду пытаюсь изгнать из отверстий

прелестных

Тела молодого: из рта, из ушей, носоглотки,
Впадин межреберных нежных и прочих
частей организма, —

душераздирающе выводил Кириан, раскачиваясь всем телом и полуприкрыв глаза, и только осознание того, что тисовым подглядателям и подслушателям, не привыкшим к вокалу и репертуару Златоуста, сейчас хуже раз в девяносто с половиною, удерживало руки друзей в стороне от горла менестреля.

— Ну так что будем делать? — нарушила затянувшееся молчание Сенька. — Время идет.

— Идет, как тать, крадя кусочки жизни... — рассеянно пробормотал калиф.

— Как насчет пойти к Тису и открыть путь к трону какой-нибудь другой династии? — воинственно набычился Олаф.

— А смысл? — прошуршал Масдай.

— Чувство глубокого удовлетворения? — предположил конунг.

— Нет, мы не можем убивать правителя чужой страны только потому, что он этого заслуживает! — решительно — но, скорее, из чувства политкорректности, нежели от души, возразил Иванушка. — Его нужно судить. А для этого — собрать доказательства...

— А для этого у нас нет времени, — скучным голосом напомнила его супруга, и царевич притих.

— А я полагаю, что каким бы негодяем ни оказался этот лукавый податель советов, наказание его нужно отложить, — калиф поднял взгляд от полы шелкового бурнуса, — потому что в первую очередь необходимо отыскать Наследницу, где бы она ни была.

— Как? — воззрился на него Агафон.

— Если бы мы могли свободно ходить по дворцу, это выяснить было бы легче легкого... — без энтузиазма протянула Сенька.

— А кто нас не выпустит? — грозно приподнялся отряг, и вся его коллекция топоров приглушенно, но радостно звякнула, предвкушая работу.

— Выпустить-то, может, и выпустят, — пожалала плечами царевна. — Но вот разговаривать вряд ли с нами кто-то будет. Не сомневаюсь, что Тис уже об этом позаботился.

— Значит, будем разговаривать с тем, кто с нами разговаривать будет, — просто сказал Иван.

— С кем это? — заинтересованно глянули на него друзья.

— С самим Тисом, — сурово сдвинул он брови. — И на этот раз ему лучше рассказать нам всю правду.

— Правду... Ах, правду... Вы хотите правду... — тяжело сощурившись за сплетением тонких пальцев, Тис навалился всем телом на край стола, оперся на локти и замолк, беззастенчиво разглядывая незваных визитеров.

За плечами его на этот раз стояли не офицеры, но два старика в темно-зеленых балахонах с золотыми королевскими гербами на плечах, и взгляды их по дружелюбности могли посоперничать с прожигающим взором короля. Между стариками легкой дымкой висела, подрагивая и переливаясь крошечными искорками, тонкая голубоватая сеть. И не было ни малейшего сомнения, кого она должна была накрыть в случае размолвки или демонстрации темперамента, подобных утреннему. От одного ощущения ее присутствия у Иванушки бегали по коже мурашки, а волосы норовили встать дыбом. Быстрый косой взгляд на напрягшиеся мускулы Олафа и нервно играющие желваки Ахмета показали ему, что в своей реакции на неизвестное заклятье он был не

одинок, и лишь подчеркнуто-безмятежное выражение физиономии Агафона придавало ему спокойствие, необходимое для переговоров с новоявленным королем атланов.

— Ваше величество должны понимать, насколько важной является наша миссия, — снова заговорил Иван, тщательно стараясь не думать о мерцающей сети и о том, что он сейчас хотел бы сделать с этим высокомерным, наглым и уверенным в своей безнаказанности казнокрадом-узурпатором. — И поэтому мы желаем подчеркнуть еще раз, что внутренние дела королевства и вопросы престолонаследия имеют для нас второстепенное, или даже третьестепенное значение. Самое главное сейчас для нас... и не только для нас — но и для вас, для них, — распаяясь, он горячо кивнул в сторону придворных волшебников, — да для всего Белого Света! — найти пятого Наследника... или Наследницу... и поспешить к месту встречи с его премудрием магом-хранителем Адалетом.

Издевательская усмешка прозмеилась по губам Тиса, да так и прилипла.

— Старые страшные сказки про Гаурдака и конец света... или как там ваш премудрый старец именуется грядущее пришествие этого линиялого пугала для детей? Грядущее каждый год на протяжении последней тысячи лет, если я не

ошибаюсь, молодые люди? А иногда и несколько раз в году?

— Но на этот раз всё совершенно точно! — не выдержал отряг.

— Он это каждый раз говорит, — насмешливо отмахнулся король. — И вообще, я полагаю, что в Гаурдака не верят теперь даже малыши, которых матери пугают, чтобы те съедали всю кашу.

— Плохо пугают, — набычился Олаф.

Гвардейцы у окон и стен схватились за мечи и арбалеты.

— О, без сомнения! — закинул голову и искренне расхохотался Тис. — Если бы съесть кашу с рассказкой про Гаурдака меня заставлял кто-нибудь вроде вас, ваше величество, я бы пообещал питаться только ей до конца жизни — и, клянусь, сдержал бы обещание!

— Как насчет пообещать питаться до конца жизни чем угодно, и просто рассказать про наследницу Дуба? — ласково улыбнулась Серафима.

— Дались вам сегодня страшные сказки, ваше высочество... — вновь посерьезнел и брезгливо поморщился атлан.

— Почему страшные? — недоуменно поднял брови домиком Ахмет.

— Потому что особа, которую вы вздумали сейчас искать, уже недели три как покоится на

городском погосте, — терпеливо вздохнул Тис.

— Так ты уже и её!.. — взревел было конунг, рука его метнулась к топору, сеть взмыла к потолку, мечи выскользнули из ножен, посох вспыхнул пронзительной синевой...

Резкий удар сенькиного локтя под ребра успел оборвать тираду, после которой надо было или предъявлять доказательства, или пробиваться из кабинета и дворца с боем.

— Вы уже и ее обнаружили, хотел сказать наш друг, — галантно улыбаясь, пояснила царевна. — Невероятная расторопность и забота о соблюдении закона просто поражает его и всех нас!

— И откуда упала *она*? — отряг угрюмо зыркнул на Тиса из-под рыжих бровей.

— Я не знаком с подробностями ее смерти, но, кажется, с причала, — холодно проговорил король, обвел неприязненным взглядом гостей и подал знак атланам.

Мечи вместе с сетью медленно вернулись на места, посох Агафона так же медленно потух, снова превращаясь в ничем не примечательную с виду палку, и горячая международная напряженность повторно плавно перетекла в состояние холодной войны.

— После трагической гибели их величеств и неожиданной кончины бастарда Каштана первым и единственным вопросом, интересовавшим меня, как

вы понимаете, было наличие других бастардов, — подчеркнуто ровным голосом заговорил Тис, и единственным признаком пережитого — или переживаемого волнения были его пальцы, непроизвольно то сводящиеся в замок, то расплетающиеся и соприкасающиеся кончиками.

— Понимаем, — абсолютно искренне подтвердил Иванушка.

— Ну так вот. Я и мои доверенные лично опросили придворных и прислугу, архивариусы подняли свои бумаги — хотя как раз это-то ничего и не дало... Но в конце концов, общими усилиями мы всё же нашли еще одну Наследницу. По слухам и домыслам, абсолютно бездоказательным, заметьте! — кухарка Вишня была внебрачной дочерью короля. Естественно, как лицо, самое близкое к его не в добрый час покойному величеству, я тут же бросился на кухню, потом в ее комнату... Кухарки не было нигде, и никто не мог сказать, куда она подевалась. Я приказал страже отыскать ее незамедлительно, перевернуть вверх дном весь дворец, весь город, всё королевство, если понадобится!.. Но не понадобилось. Дня через три портовое начальство доложило, что в затоне найдено тело неизвестной женщины. Тело и лицо ее... простите за неприятные подробности... были попорчены рыбами и раками... но ее приятельницы по одежде и кольцу опознали Вишню. Уже

знакомый вам лекарь Фигус научно подтвердил, что бедняга упала в воду, захлебнулась и утонула.

А вот это был конец.

Антигаурдаковская коалиция стояла потрясенная и обескураженная, не в силах не то, что задавать вопросы, но и обмениваться взглядами. Ниточка — единственная ниточка, связывавшая их с последней надеждой, оборвалась в их руках и уплыла по течению Атланы, как осенняя паутинка. Если Тис говорит, что последняя Наследница мертва...

Ему в этом вопросе можно доверять.

— Если я удовлетворил на сегодня ваше любопытство, милостивые государи и государыня?.. — учтиво склонил голову король, и гвардейцы за их спинами как по команде шагнули к дверям и распахнули резные дубовые створки.

Друзья переглянулись беспомощно, пытаясь продумать если не выход из безвыходной ситуации, то хотя бы свои дальнейшие действия.

Ходить по дворцу и городу, опрашивая людей, не имеет ли кто сведений про какого-нибудь королевского бастарда? Но после двух похорон за несколько дней на бастарда укажет разве что его враг... которого тоже еще надо найти... И сколько на это уйдет времени? И где гарантия, что найденный человек — или люди — будут действительно потомками Дуба? Цена сомнений и

ошибок в этом вопросе может быть слишком высока.

Конечно, про истинность Наследников, или хотя бы о том, где их искать, и остались ли они вообще, можно будет спросить у горных демонов, их друзей... Но всё ли они еще там живут, и если да, то как вызвать их из обители под толщей скал? Обычно они обращают внимания на людей не больше, чем сами люди — на мух, ползающих по крыше их дома...

А если деда и внука на старом месте не окажется?

Даже не погруженный — утонувший в гнетущих раздумьях Иван не сразу расслышал, что Тис заговорил снова.

— ...но, конечно, выбор остается за вами: спешить к его премудрию Адалету или отдохнуть в нашем гостеприимном городе хоть денек, прогуляться по его улицам, осмотреть достопримечательности. Поющие фонтаны — каждый час новая песня, репертуар обновляется раз в неделю... Музей становления королевства — с панорамой семи битв, все фигуры оживляются двадцатью магами-аниматорами... Бои големов — очень популярное развлечение, правда, в основном, у среднего класса и ниже, но прибывающие впервые купцы и посланники считают их весьма оригинальными тоже... И, кстати, не забудьте

побывать в порту — просто невероятно, какие огромные суда приходят к нам после углубления фарватера на отрезке всего в полтора километра! Вы не поверите, сколько магов в течение трех месяцев поработало над этой, казалось, пустячной задачей! И сколько это стоило казне... Уверен, что на эту сумму можно было бы обставить деревянной мебелью все портовые кабаки!

— Что?.. — растерянно сморгнул Иванушка.

— Я говорю, что если вы останетесь отдохнуть на день-другой после дальней дороги, то не пожалеете ни о секунде потраченного времени, — несколько суше повторил приглашение задетый невниманием Тис. — В конце концов, день туда — день сюда при ваших обстоятельствах не решает ничего, а отдых после долгого пути — вещь незаменимая.

Иван оглянулся на товарищей, поймал их угрюмые взоры, полные невысказанных мыслей, а больше — обвинений, и вежливо покачал головой:

— Благодарим за предложение, ваше величество, но...

— Но вы не представляете, с каким интересом и желанием мы готовы воспользоваться предоставляемой возможностью! — с цветущей улыбкой вынырнула из-за его спины царевна. — Всегда мечтала осмотреть ваш чудесный город — ведь ему еще и ста лет нет, а сколько уже

удивительных построек, чудесных зданий, монументов и даже скверов! И мои друзья тоже горят от нетерпения!..

— Сеня!.. — ошарашенно вытаращил глаза лукоморец.

— Даже мой суровый супруг как-то упоминал об этом, хотя дела и обязанности постоянно отодвигают приятные моменты путешествия! — лицо Серафимы лучилось невинной радостью и восторгом, освещая мрачноватый кабинет монарха Атланды. И даже настороженные чародеи за спиной короля, проинформированные о степени опасности каждого из бойцов маленького отряда, почувствовали себя виноватыми перед такой искренней и бесхитростной девушкой.

— О светоч мудрости, но...

— Ахмет, не будь таким нетерпеливым, — капризно скривила губы царевна. — Гаурдак от нас никуда не денется... или мы от него... а подобная возможность предоставляется иногда раз в жизни! Разве это не прекрасно — путешествовать по Белому Свету, узнавать про другие народы, про их культуру и диковинные обычаи!

— Ну... если ты так полагаешь... — развел Амн-аль-Хасс пухлыми руками, соглашаясь.¹⁴

---

¹⁴ Хотя и привык, как и многие другие государи, что это другие народы, предусмотрительно оставляя диковинные

— Значит ли это, что ваши величества и ваше высочество принимают мое приглашение?

Иванушка мог бы поклясться, что в голосе Тиса прозвучало не только удивление, но и облегчение, и в честной душе его моментально вспыхнула непрошенной искрой неприязнь: «Думает задобрить нас... подлизаться... минуты бы лишней здесь не оставался!.. Надеюсь, Сеня знает, что делает».

— Принимают, принимают, — с преувеличенным энтузиазмом кивнул Олаф, за несколько недель научившийся полагаться на хитрость и чутье лукоморской царевны, и даже попробовал изобразить на зверски нахмуренной физиономии умиротворение и простодушие.¹⁵

— Но у нас есть одна просьба, ваше величество, — будто спохватившись, Серафима вскинула на короля озабоченный взгляд.

— Да, конечно, любая, вы мои гости, — расплзлась по бледному лицу галантно-непроницаемая улыбка придворного со

обычаи дома, приезжали в Шатт-аль-Шейх вместе со своей культурой, а заодно и товарами, не требуя от его правителя ни малейших усилий по перемещению в пространстве.

¹⁵ Результаты заставили магов за спиной короля снова схватиться за свою сеть.

стажем.

— Когда мы отправимся на осмотр достопримечательностей, ее высочество Эссельте захотела бы присоединиться к нам, я это знаю совершенно точно, — заговорила было царица, но нерешительно смолкла, точно в ожидании отказа.

— Я был бы только рад, — дружелюбно сообщил король и устремил на гостью выжидательный взгляд: что дальше?

— Но, видите ли вы, ваше величество... дело в том, что ее состояние вызывает у нас опасение... — продолжила Сенька. — Поэтому, если бы было возможно отправить с нами... вернее, с ней, вашего самого лучшего и самого опытного придворного знахаря, во избежание неприятных неожиданностей, так сказать... ну, вы понимаете...

Тис понял.

— И я даже догадываюсь, кого вы имеете в виду, — улыбка его неуловимым образом потеряла даже ту немногую любезность, которую ему удавалось вкладывать в нее до сих пор.

— Ваша пронизательность иногда просто пугает меня, — сконфуженно зарделась Серафима.

Король усмехнулся.

— Ваше высочество мне льстит. Насколько мне известно, вам есть кого бояться, кроме старого калеки.

— Так значит, лекарь Фигус станет

сопровождать ее высочество Эссельте Златокудрую в прогулке по Атланик-сити? — поставил вопрос ребром лукоморец, потеряв терпение от придворных маневров, всё больше напоминавших ему танец с саблями.

— Да, конечно, — искусно скрыв усмешку в адрес нетерпеливой юности, кивнул Тис. — Ему передадут мой приказ, и он присоединится к вам — как лекарь. Гидом же выступит мой сын, принц Рододендрон. Если бы не болезнь, я сам был бы счастлив познакомить вас со столицей моего королевства, но увы...

— Доброта вашего величества не знает границ, — с благодарностью сложил на груди руки калиф.

— Как говорил мой дед, иногда даже очень маленькое проявление доброты может иметь очень большие последствия, — куртуазно склонил в ответ голову король. — Желаю приятной прогулки.

Приятная прогулка началась сразу после обеда.

Еще в столовой комнате — небольшом, увешанном натюрмортами и сценами охоты зале — антигаурдаковской коалиции был представлен молодой человек лет двадцати пяти, со светлыми волосами до плеч, серыми глазами и надменной физиономией, которой он время от времени, словно спохватившись, старался придать любезное выражение. Попытки его вознаграждались успехом,

как правило, минут на пять, не больше, а потом тонкие и правильные черты его как-то незаметно, сами собой возвращались в более привычное им положение.

Улыбка на тонких, снисходительно изогнутых губах атланского принца расцветала широко и привольно при виде лишь одного человека из дружной компании, но и ту каждый раз он спешил упрятать за краем бокала или поднесенной ко рту вилкой.¹⁶ И только при взгляде на Эссельте в насмешливых глазах наследника престола появлялось нечто, похожее на неподдельный интерес.

Когда трапеза была окончена, гости и хозяин вышли во двор, где их уже ожидала открытая коляска, конюхи с оседланными конями в поводу и Фигус. Королевский медик теребил в руках походный саквояж со снадобьями и нервно переминался с ноги на ногу — то ли готовый по малейшему сигналу бежать впереди кавалькады, то ли в противоположную сторону. Но сигнала не поступило, и с видом великомученика лекарь взгромоздился на шелковые подушки между Серафимой и Кирианом напротив принцессы — и

---

¹⁶ Да, Олаф до сих пор считал, что боги Эзира дали человеку руки, а не вилки потому, что руками есть удобнее.

пренебрегшего приготовленным для него жеребцом Агафона. Примеру друга едва не последовал Олаф, но последней каплей, удержавшей его от этого решения, стала язвительная ухмылка Рододендрона, хоть и дипломатично — и очень благоразумно — обращенная к розовым кустам вдоль дороги.

Крякнув решительно, словно шел на abordаж, а не на конскую спину, отряг водрузился в седло, поправил топоры за спиной и по бокам, ободряюще похлопал по холке едва не присевшего коня¹⁷ и гордо приосанился:

— Ну и где тут ваши эти... доско...примечательности?

Губы Рододендрона предательски дрогнули и сжались.

— Надеюсь, ваше высочество, мы поедем не торопясь, чтобы успеть насладиться видами Атланик-сити? — поспешил с вопросом Иванушка, стремясь оградить друга от дальнейших испытаний, а принца — от тяжелых телесных повреждений, случись его улыбке прорваться сквозь напряженную гримасу задумчивости.

— Да, конечно, ваше высочество, — шумно выдохнул сын Тиса, сосредоточенно изучая луку

---

¹⁷ Не менее своего седока в этот момент пожалевшего, что принц по природе своей был так ехиден.

седла. — Если бы время позволяло, я показал бы вам весь город, до последнего его уголка и закоулка, чтобы вы могли ощутить его дух и обаяние, но, увы и ах... Поэтому вашим глазам предстанет только самое удивительное и примечательное, хоть понаслышке, да известное всему миру.

Иван с грустью пришел к выводу, что он, похоже, и впрямь не от мира сего, как часто утверждала Серафима: не только понаслышке, но и даже после пребывания в Атланик-сити он никаких интересностей в нем не нашел. Но принца Атланды такие мелочи, как молчащий гость, не остановили, ибо перед возможностью похвастаться любимым городом, в одночасье ставшим его собственностью, мало бы кто устоял. Рододендрон исключением не был. По его знаку кучер прищелкнул кнутом над спинами двух белых лошадей — под цвет золотой коляски, инкрустированной шпоном снежного дерева — и кавалькада тронулась, готовая к получению новых знаний и впечатлений.

— Страна, как и город, зародилась около ста лет назад, и с тех пор выросла, нашла свое место в мире и возмужала. Но богатейшие залежи железной и медной руды самого высокого качества попали в руки наших предков не так легко... — наследник короны заговорил как заправский экскурсовод. И впервые за сорок минут их знакомства лицо его

выражало не усталую снисходительность взрослого к кучке слабоумных ребятишек, но настоящую гордость.

Мягко постукивая колесами по булыжной мостовой, королевский экипаж выкатился из ворот на проспект перед дворцом и повернул направо. За ним последовали и всадники — Олаф и Ахмет у правого бока, принц с Иваном — у левого.

Роскошные экипажи с разряженными дамами и бравые кавалеры на вороных жеребцах с крашенными белым гривами и хвостами неспешно двигались по широкой улице двумя встречными потоками. Седоки, пассажиры и пестро одетая публика на тротуарах то и дело весело перекликались, раскланивались и обменивались приветствиями.¹⁸

От ярких костюмов праздных гуляк на фоне многокрасочных мраморных стен рябило в глазах. Полуденные солнечные лучи отражались от позолоты карет и начищенных до блеска медных барельефов и кариатид на фасадах дворцов, рассыпались на слепящие искры в струях фонтанов и игривыми бликами плескались на воде их

---

¹⁸ И — в случае кучеров — беззлобными ругательствами по адресу «этого слепого болвана, который прет поперек дороги на своем рыдване и не видит, что тут люди едут».

мраморных чаш. Глухой перестук колес и звонкий — копыт сливался с беззаботными голосами и смехом в неровный гул, причудливым радостным эхом кувывравшийся между каменными стенами, каменной мостовой, каменными оградами и каменными арками и виадуками города, и друзьям иногда начинало казаться, что это не люди, но сам Атланик-сити разговаривает, смеется и дышит. Что холодная плоть гранита, бульжника и мрамора, вырванная когда-то каменотесами у Красных гор, оживает под прикосновением атланов, ставших ее кровью, душой и духом.

— Неплохо, — разглядывая проплывавшие мимо тротуары и дома, Ахмет склонил набок прикрытую походной куфьей голову. — Но зелени маловато.

— Маловато?!.. — изумленно расхохотался Рододендрон. — Многовато, вы хотели сказать, ваше величество?

— Нет, ваше высочество, я хотел сказать «маловато», и сказал «маловато», — калиф недовольно прищурил на принца подбитый глаз.

— Тысяча извинений, ваше величество, — завитые локоны на мгновение закрыли склоненное в театральном жесте раскаяния лицо наследника Тиса. — Но, очевидно, вам и вашим друзьям неизвестно, что на земле Атланды, скудной и каменистой, деревья не растут вовсе. Максимум —

низкие корявые кусты, и то не везде. Поэтому все деревья, что вы видели в королевском парке и на улице, были привезены из дальних краев, причем вместе с землей, чтобы они могли расти как у себя дома.

— Но... сколько земли нужно, к примеру, дубу! — ошеломленно округлила глаза Эссельте. — А какая яма?.. Я читала, что корневая система дерева по величине равна его кроне!

— Вот теперь вы понимаете всю сложность проблемы озеленения Атлантик-сити? — галантно улыбнулся Рододендрон. — Поэтому дерево — и деревья — так редки в нашем королевстве, и ценятся дороже многих металлов, почти наравне с золотом, платиной и аль-юминием, а наши родители называют детей в честь деревьев. Если за оградой какого-нибудь дома вы увидите сад, или заметите дерево у входа, знайте, что здесь живут чрезвычайно обеспеченные люди. Отсюда же — каменные стражи деревьев в нашем парке: Дуб Первый относился к молодым саженцам чрезвычайно трепетно.

Путешественники вспомнили королевскую приемную, обозванную сгоряча дровяным складом, сломанную черемуху и устыдились.

— Но древесину ведь можно доставлять не только обозами, но и по реке, — при словах «редки» и «ценятся» практичный ум Сеньки тут же

начал разработку коммерческого проекта. Гаурдак Гаурдаком, а торговля по расписанию.

— Да, можно, но если учесть еще и то, что почти все продукты мы тоже вынуждены завозить из-за границы, а Атланка в верхнем течении недостаточно полноводна, чтобы принимать большегрузные барки... — принц сокрушенно развел руками, — то выбор купцов — и покупателей — всегда оказывается в пользу еды, а не украшений.

— Значит, у Атланды мало продовольственных запасов? — озабоченно нахмурился Иван.

Рододендрон пожал плечами.

— Полагаю, на складах хранится зерна и круп месяца на два. Но если вдруг у наших поставщиков приключится неурожай или война, или еще какая напасть, то атланы могут или выйти из шахт, кузней и плавилен и заняться земледелием, осваивая степные земли, или — если дело к лету — заняться охотой.

— На караваны с продовольствием, идущие мимо? — предположил Кириан.

— На менестрелей, несущих всякую чушь, — ласково улыбнулся принц. — А когда таковые повыведутся, то на саблезубых козлоногов.

— На... что?.. — недоуменно склонил голову набок чародей, думая, что ослышался.

— На саблезубых козлоногов, — старательно повторил наследник короны. — Это такие хищные овцы с маневренностью горной козы. Не деликатес, но есть можно. Зимой они живут в горах, питаюсь носоглотами, но к весне самки — носоглотки — зарываются под камни откладывая и высиживать яйца, самцы уходят за ними, и козлоноги спускаются в степи — выводить свое потомство. При этом они отбрасывают клыки и питаются травой. До поздней осени, пока молодые и старые носоглоты не вернутся из-под каменной толщи.

— Чрезвычайно познавательно!.. — дивясь, покачала головой гвентянка, сияясь — и понимая, что не может — представить себе ни хищных овец, ни их продукты питания.

— О, кстати, о познавательности! — спохватился Рододендрон. — Я же был должен рассказывать об истории страны, а не об ее продовольственных трудностях!..

Чтобы перекрыть уличный шум и быть услышанным не только теми, кто находился рядом с ним, но и дальним концом аудитории, ему теперь приходилось кричать едва ли не в полный голос, склоняясь при этом почти над самыми пассажирами. Но даже это не смогло остановить его от вдохновенного пересказа событий лет давно минувших.

— ...отец Дуба Первого и его приверженцы

— переселенцы из изгнавшей его род Сикандры наткнулись на это суровое, но прекрасное место... — оживленно жестикулируя свободной от поводьев рукой, рассказывал он в опасном полунаклоне, от одного вида которого отряг нервно хватался за луку седла обеими руками.

— ...И то, что тут разбивали свои станы дикари, рыскали горные демоны и охотились трехголовые Змеи, соскучившихся по оседлости скитальцев не остановило. Это была великая эпоха, время фантастических свершений и триумфов, и я счастлив, что и мои предки заняли не последнее место в пантеоне героев. Мой прадед Ясень Молотобоец сражался с демонами рядом с самим Дубом и, как гласит семейная легенда, в одном из сражений единолично раздробил три десятка! — голос Рододендрона торжественно возвысился, перекрывая на несколько мгновений даже гул людной улицы.

— С дуба падали листья ясеня... — пробормотал Кириан, вдоволь наслушавшийся от Ивана и Агафона описаний горного демона в расцвете сил, и добавил невинно — в порядке пояснения своей мысли: — Ничего себе, ничего себе...

Волшебник и Серафима прыснули. Принц, не расслышавший комментария, но догадавшийся о его сути, вспыхнул, скрипнул зубами, рука его

сжалась в кулак...

— А сколь велика была армия демонов, ваше высочество? — обезоруживающе вскинула на него голубые глаза Эссельте, и взбешенная гримаса Рододендрона сама по себе растаяла и перетекла в любезную ухмылку.

— Пока ваш стихоплет не вмешался со своей туповатой остротой, ваше высочество, я собирался сказать, что всего их было десять тысяч — огромных кровожадных тварей.

— Горные демоны не едят людей, — не задумываясь о последствиях, автоматически проговорил Иванушка. — А всего их на Белом Свете — несколько десятков маленьких семей.

— А вам откуда известны их кулинарные пристрастия и популяция? — насмешливо прищурился сын Тиса.

— Я...

— Мы читали «Регистр монстров» Мэрхенвальда, — нашел, что соврать чародей, быстрее, чем Иван — как рассказать правду.

— Никогда не слышал о таком! — фыркнул принц, презрительно запрокидывая белокурую голову. — Эти иностранцы обожают писать о том, о чем представления не имеют!

— То есть, дерево правды произрастает лишь на листьях фолиантов атланских летописцев? — витиевато уточнил калиф.

— Именно. Иноземцы пристрастны и поверхностны, и лишь атлан может правдиво рассказать о своей истории. Но, кажется, мы отклонились от темы. Простите вашего покорного, но не в меру глупого и болтливового слугу, — и Рододендрон, смиренно склонив голову, кивнул на Кириана.

Тот собирался что-то ответить — Сенька прочла это по глазам — и поторопилась показать исподтишка менестрелю кулак. Поэтому гневно-ядовитый экспромт в адрес высокородного выскочки услышали только сидящие ближе всего к нему Агафон и Фикус:

В этом каменном мешке
Есть один цветок в горшке.
От кого же родом он?
Не от Дуба вроде.
Звать его Рододендрон,
Тисово отродье.

Но столь ограниченная аудитория настроения Кириану не повысила тоже, и остаток пути до музея битв друзьям пришлось терпеть не только выпренное славословие атлана, но и кислое недовольство барда.

И не иначе, как от этого, у Эссельте постепенно разболелась голова.

Когда гости поднимались по ступеням к залу с первой панорамой, гвентянка покачнулась и ухватилась за руку Серафимы. На встревоженные вопросы спутников она, легкомысленно улыбаясь, отшутилась, и даже проделала несколько танцевальных па под осуждающим взглядом лекаря и заинтересованным — принца. Но едва первые фигуры — гвардия молотобойцев в бордовых доспехах и с молотами, которые одобрил бы даже Рагнарок, двинулись к перевалу, где их уже поджидал отряд горных демонов, как принцесса тихонько простонала и вцепилась в предплечье Фикуса.

— Что с вами, ваше высочество? — одно и то же восклицание вырвалось одновременно из уст наследника короны Атланды и его слуги.

— Мне... что-то нехорошо... — пробормотала Эссельте и впиалась в рукав знахаря еще крепче. — Перед глазами все плывет... когда голову поворачиваю... Я бы... присела сейчас... на свежем воздухе...

— Мы выходим! — решительно нахмурился Рододендрон и повелительно возвысил голос, перекивая музыку. — Эй, кто там! Прекра...

— Нет-нет, что вы, ваше высочество, не стоит так тревожиться, это всего лишь спертый воздух, всё будет хорошо!.. — принцесса замахала на него рукой. — Не нужно прерывать показ такой

увлекательной истории! Мои друзья с удовольствием посмотрят представление!

— Реконструкцию, ваше высочество, — вежливо поправил венценосный патриот.

— Да, и ее тоже, если она тут имеется, — рассеянно кивнула принцесса, томно поднося ладонь ко лбу, и все занудство моментально слетело с атлана, уступая место беспокойству.

— Если вашему высочеству дурно, мы можем вернуться во дворец!

— Нет, что вы, совсем нет! Не настолько дурно, я хотела сказать...

— Мы с Эссельте и вашим лекарем, если никто не против, выйдем, присядем на скамеечке, — вступила в разговор Серафима. — А вы продолжайте смотреть. Вань, запоминай, потом расскажешь.

— Можем даже показать в лицах, — подмигнул отряг. — Чур, я — горный демон!

— Не пойдет, — уже выводя гвентянку из зала, мотнула встрепанной шевелюрой Сенька. — По сценарию люди выигрывают.

Королевский лекарь потащился за гостями с видом приговоренного к съедению ротой демонов. Даже не оглядываясь, затылком, он чувствовал на себе сверлящий взгляд наследника атланского престола и тоскливо гадал, а не гуманнее ли было бы и вправду отдать его на растерзание горным

монстрам или даже Змеям.

Через пять минут и четыре огромных лестничных пролета девушки и атлан вышли из-под купола гигантского — с лукоморскую ярмарочную площадь — музея, и не спеша направились в прилегающий скверик, где вокруг медного фонтана хороводом расположились литые скамьи, кованые деревья и развесистые латунные фонари.

— Вашему высочеству необходимо прилечь и закрыть глаза, — отважно заговорил Фигус, едва монаршьи дочки пристроились на нагретой солнцем чугунной скамье. — Поэтому я бы рекомендовал немедленно перейти в карету.

Сенька метнула косой взгляд в сторону их снежно-золотого ландо с задремавшим кучером на высоких козлах, и согласно кивнула.

— Да, конечно. Сейчас моя подруга отдохнет чуть-чуть, придет в себя — и мы непременно выполним ваше предписание, мастер Фигус.

— Я хотел бы, чтобы это произошло как можно скорее, — честно признался лекарь, сосредоточенно разглядывая оббитые носки своих сапог.

— Я тоже, — вздохнула царевна. — Поэтому, уважая наше время и ваше понимание момента, давайте не будем ходить вокруг да около, а просто выясним, почему вы солгали королю, когда опознавали злосчастную утопленницу.

— Что?! — знахарь отступил на шаг, брови его от возмущения и изумления поползли вверх, а короткие пухлые руки судорожно прижались к груди, точно Сенька нацелилась вырвать ему сердце. — Ваши высочества ошибаются, или кто-то злонравный нашептал им обидный поклеп на меня! Я, как придворный лекарь и покорный слуга его величества, не имел права ему солгать!

— Мастер Фигус, — Серафима терпеливо склонила голову чуть набок и сочувственно заглянула ему в глаза. — Я же не спрашиваю, имели вы на это право или нет. Я всего лишь хочу узнать, почему. Ну и заодно, где сейчас Вишня и действительно ли она — наследница Дуба.

Доктор упрямо замотал головой.

— Нет, ваше высочество. Мне не хотелось говорить так... но вы ошибаетесь. Вишня умерла. Утонула. Упала с причала, ударилась о камни головой и захлебнулась. Готов подтвердить это как профессиональный лекарь любое количество раз. И состояла ли она в родстве с королем или нет, мне не известно. Простите, если я не смог помочь вам или обманул ваши ожидания...

— Но Фигус, миленький, пойми, что это не наша прихоть, мы понимаем, что теперь все кровные родственники прервавшейся династии в смертельной опасности, но мы ищем Вишню не ради любопытства, и не для того, чтобы предать ее

в руки Тиса! — пылко подалась вперед принцесса и схватила за руку отступившего еще на шаг атлана. — Гаурдак восстанет через пять-шесть дней, и если все Наследники Выживших не соберутся вместе...

— Простите, ваше высочество, — мягко, но решительно врач вытянул куцые пальцы из ладошек Эссельте. — Я не знаю, для чего вы ищете покойницу, но позвольте сообщить, что ни в какого Гаурдака я не верю уже лет пятьдесят, равно как и в бубу подкроватного, и в подземного стрекалу, воруящего непослушных детей, и в тихогрыза, который прячется за раскиданными игрушками и поедает их... Если у вас имеются иные мотивы, которые вы не хотите раскрывать ничтожному костоправу — дело ваше, я не могу и не хочу претендовать на знание тайн сильного мира сего, долгая жизнь и крепкий сон мне еще дороги... Но и ради них я не могу сказать, что мертвый человек жив. И оживить его мне тоже не под силу.

— Но если Вишня так мертва, как ты пытаешься это представить, — вкрадчиво заглянула ему в глаза Серафима, — то отчего ты смутился и улизнул из комнаты, когда мы про нее спросили?

— Я?.. — Фикус вздрогнул и побледнел, и казалось, что еще секунда — и он снова побежит от них прочь...

— Да, — терпеливо кивнула Сенька. — Ты.

— Я... — лекарь замялся, бросая на лестницу музея панические взгляды, точно оттуда должно было появиться — и никак не появлялось — его спасение. — Я... Да, я смутился. Потому что я знал ее. Вишню. При жизни.

— Так ты, наверное, знаешь и про ее отца? — загорелись надеждой очи принцессы.

— Нет, не знаю, — снова замкнулся и попятился знахарь. — Всякое болтают глупые языки. Болтать не запретишь.

— И ты ее совершенно точно опознал? — лекарь не заметил, как Сенька оказалась рядом с ним и нежно, но крепко подхватила его под руку, пресекая на корню возможные демарши допрашиваемого. — Без сомнений?

— Без единого сомнения, — убежденно произнес атлан. — Это была она.

— Мы тебе не верим, — тихо, но твердо проговорила Серафима. — Ни единому твоему слову.

— Воля ваша, — нахохлился знахарь и сосредоточенно уставился на свои стиснутые в замок пальцы. — Я не могу указывать особам королевской крови, что им думать и кому верить.

— Ты знаешь, мастер Фикус, — задумчиво продолжала царевна, точно не слыша его, — у меня бабушка — колдунья. И я от нее кое-чему научилась.

— Не мне указывать... — снова начал было медик, но голос его на этот раз еле уловимо дрогнул.

— Например, я научилась от нее распознавать, когда мне говорят правду, а когда врут.

— Я — королевский лекарь. Я не имею права лгать... — монотонно и упрямо бубнил Фикус, не поднимая глаз.

Щеки его покрылись красными пятнами, на лбу выступила испарина, пальцы беспокойно шевелились, словно он пытался помыть руки или стереть с них что-то невидимое...

Серафиме его стало жалко. Наверное, эта Вишня была... или до сих пор... ему дорога. Наверное, если кто-то узнает, что она не умерла, ей и впрямь грозит смертельная опасность. Но если *они* не узнают, жива она или нет, и где находится, то смертельная опасность грозить будет уже всем — и не наверное, а точно.

Буба подколодный... или как он там... надо же такое придумать... Бедные маленькие атланчики...

Она хмыкнула, но тут же взяла себя в руки, отбросила шевельнувшееся с новой силой сочувствие и безжалостно продолжала, ощущая на себе и на лекаре смятенный и сострадательный взгляд принцессы, чувствующей и понимающей то

же, что и она.

— Так вот, когда человек обманывает, колдунья... или ее ученица... — холодным ровным голосом выговаривала царевна, пристально глядя куда-то мимо его левого уха, — видят, как на его левое плечо садится брехун.

У Фикуса перехватило дыхание, голова его дернулась налево, словно выполняя армейскую команду...

Выдавая его с головой.

— Мастер Фигус. Мы клянемся, что никто из рода или придворных Тиса не узнает о Вишне ничего, — тихо, но твердо произнесла Серафима и заглянула врачу в опущенные глаза. — А еще мы клянемся, что Гаурдак — не шутка и не страшилка для детей. Дуба убили те, кто хочет возвращения Пожирателя душ на Белый Свет. Мы встречали их, они пытались покончить и с нами, но наш маг спас нас. Ваш Бересклет не смог сделать того же для своего короля и для себя. Но когда Гаурдак восстанет, то уже все чародеи вместе взятые не смогут его усмирить.

— Я не знаю, кто убил короля. Я не знаю, кто убил Вишню. Я не знаю, жива она или нет... — почти не соображая, что говорит, припертый к стене знахарь дрожал, но не сдавался.

Сенька мысленно взвыла, сжала кулаки, чтобы пальцы невзначай не сомкнулись на горле

непреклонного медика, вскинула голову, лихорадочно отыскивая взглядом маячившее на юге черное облако, чтобы предъявить его в качестве доказательства, но высокие дома скрывали горизонт.

Кабуча... как нарочно!..

— Мастер Фикус, умоляем вас, скажите!!! — взмолилась гвентянка, чуя, что момент истины ускользает на глазах. — Это вопрос жизни и смерти! Нас всех! Мы не причиним ей вреда! Пока не поздно, мы заберем ее, и если она пожелает, то никогда не вернется сюда! Я могу предложить ей дом в королевстве моего отца, да любой из нас предоставит ей убежище в своей стране и скроет ее тайну, если она пожелает, я знаю! Пожалуйста!..

Борьба эмоций отразилась на одутловатом растерянном лице лекаря, и девушки затаили дыхание, боясь спугнуть удачу... Но улетела она не от дыхания — от звука быстро приближающихся шагов и голосов.

— Ваши высочества, что происходит? — долетел до них удивленный вопрос Рододендрона.

Все трое обернулись, сознавая, какую странную группу они, должно быть, представляли сейчас для глаз возвращающихся из музея: царевна держит лекаря за одну руку, принцесса — за вторую, а цвет физиономии самого доброго медика наводит на мысли о хамелеоне, севшем на мухомор.

Понял ли сын Тиса, о чем шел разговор в его отсутствие или нет, но беспокойство на его лице сменилось в молниеносной последовательности настороженностью, подозрительностью и злорадством. Последнее — не иначе, как при виде кислых мин девушек.

— Вы... уже?.. — растерянно пробормотала Эссельте, отдергивая руки от доктора, словно тот превратился в горного демона.

— А вы? — ехидно улыбнулся принц.

Впрочем, и злорадство на его правильных чертах прогостило недолго, уступив место показному негодованию.

— Этот бездельник манкирует своими обязанностями? Хотел сбежать? Обидел вас? — грозно сошлись над переносицей брови принца, и он ткнул длинным тонким пальцем в пухлую грудь врача. — Не защищайте каналью, ваши высочества. Таких, как он, нужно держать в узде, чтобы знали свое место!

— Нет, что вы, ваше высочество, никто нас не обижал, мастер Фикус — душка!.. — растерянно зашебетала гвентянка.

— Просто он хотел пойти за каретой, чтобы немедленно отвезти Эссельте обратно во дворец, а мы его отговаривали — ее высочество на свежем воздухе почувствовала себя гораздо лучше и хотела бы продолжить осмотр города во что бы то ни

стало! — экспрессивно развела руками Сенька.

— Со мной ничего не случится, это была минутная слабость! — пылко подтвердила гвентянка.

— Кто знает, кто знает... Неожиданности подстерегают нас на каждом шагу... Иногда даже падение с ковра может привести к демону знают каким последствиям! — многозначительно глянул на нее Рододендрон. — Не понимаю, ваше высочество, как ваш отец мог отпустить вас в такое опасное путешествие одну!

— Я не одна! — гордо выпятила нижнюю губу Эссельте. — Я с Кирианом!

— Ах, да... — понимающе закивал атлан. — Мне не пришло в голову, что на Белом Свете бывают вещи похуже одиночества...

И, не обращая внимания на барда, пытающегося отобрать у отряга один из его топоров, продолжил:

— Но с молодым человеком, которому обещана рука и сердце вашего высочества, было бы надежнее, я полагаю.

— Да, конечно... — вздохнула и зарделась принцесса. — Но он не смог полететь. Он был ранен в битве накануне.

— Ваш жених — прославленный воин? Герцог? Граф? Эрл? Принц?

Разочарование на физиономии Рододендрона было заметно не вооруженным топором взглядом.

— Мой жених — придворный лекарь, — объявила принцесса и выразительно посмотрела на Фикуса.

Если сей факт не растопит сердце упрямого эскулапа, его не растопит ничто.

Наследник Тиса изумленно моргнул, запрокинул голову и вдруг расхохотался, вспугивая присевших на медный бук воробьев. Глаза гвентянки сердито вспыхнули, буравя нахала, брови ее друзей сошлись недовольно, и только Сенька с непониманием и удивлением заметила, как по лицу врача пробежала странная сумрачная тень, губы прошептали беззвучно два коротких слова: «всё», и то ли «лошадь», то ли «дождь», то ли иное, похожее на оба этих вместе взятые... И шестым чувством царевна вдруг поняла, что если раньше знахарь был готов рассказать про Вишню, то теперь они могли резать его или рубить на куски топорами Олафа — и не добиться ни слова, ни намека.

К Арене экскурсанты прибыли в самом конце тура.

Кавалькада лихо промчалась по роскошной набережной, незаметно перешедшей в портовую зону, свернула почти у самых пристаней вглубь застроенного невзрачными зданиями квартала, заставляя оборачиваться и шарахаться матросов, грузчиков и прочую прибрежную публику, и остановилась в клубах пыли и щебенки у

приземистого каменного сооружения, видом своим напоминающего шапито. У его полуоткрытых дверей толпились люди, нетерпеливо и раздраженно гомоня на всех наречиях Белого Света.

Входа в Арену пока — ни за плату, ни, тем более, без нее — не было.

— Хорошо, что мы вовремя успели, — довольно выдохнул Иван, соскочил на землю и торопливо схватился за кошелек, отыскивая серебро. — Сколько стоит билет?

Рододендрон посмотрел на него с высоты своего иноходца как на глуповатого ребенка и снисходительно хмыкнул, не спеша перекидывая ногу через круп коня и вальяжно соскальзывая на землю:

— Даже если бы мы приехали на час позже, мы бы не опоздали, ваше высочество. А для вас вход бесплатный. И самые лучшие места, разумеется, тоже.

— Хозяин сего заведения был предупрежден о нашем приезде? — моментально всё понял Ахмет.

— Естественно, ваше величество, — белозубо улыбнулся принц. — Как сказал Бруно Багинотский, сильные мира сего не опаздывают — это все остальные приходят слишком рано.

И он галантно распахнул дверцу экипажа, выпуская Агафона, помогая спуститься Эссельте и Серафиме, ускоряя красноречивым взглядом выход

Фигуса и как бы невзначай захлопывая ее перед самым носом Кириана.

— Если бы я был уверен, что он слышал мою эпиграмму, я бы посчитал это комплиментом, — процедил сквозь зубы бард, потирая ушибленные коленки.

— Если бы я еще и слышал, что ты тогда вякнул в мой адрес, то участвовать тебе сейчас в схватке с големом, — так же любезно из уголка рта сообщил в ответ сын Тиса.

— Моя госпожа Эссельте, дивная фея красоты и доброты, этого бы не пережила, — ханжески закатил глаза менестрель, и с чувством глубокого удовлетворения пронаблюдал, как краска ярости — или смущения? — бросилась в лицо его новоявленному высочеству.

С трудом удержавшись, чтобы не добить его контрольным «бе-бе-бе», бард обогнул застывшего у кареты принца и присоединился к друзьям, разглядывавшим нарисованных на гладких серых стенах уродливых существ. Безголовая груда каменных мышц на коротеньких кривеньких ножках грозила сутулой железной фигуре со связкой кистеней вместо рук; нечто самоварообразное замахивалось палицей на стального тушканчика с улыбкой саблезубого козлонога...

«Эх, везде нашего брата дурят...» — вздохнул

Кириан, с отвращением взирая на неумело, но старательно намалеванную картину. — «Они настоящего голема-то хоть раз видели?.. Деревня... Каменные джунгли... Отказные дети гор...»

Бард считал, что он имел полное право на скепсис и презрение, потому что сам-то он настоящего голема видел. Один раз. Когда был проездом в Шантони в свите Конначты. Голем был сделан из обожженной глины, фигурой и энергичностью походил на столетнего прадеда своего хозяина — Лесли из Лиственки — и умел только рубить деревья и таскать их вместо лошади на лесопилку. Ночью он стоял в сарае, равнодушно пялясь слабо светящимися серым глазками на стену, а утром снова шел за хозяином в лес, ждал, пока тот пометит деревья, которые нужно сегодня свалить, и принимался за дело.

Представить себе драку двух прадедов Лесли без неконтролируемых приступов ржания миннезингер не мог, поэтому торопливо отвернулся, подался вперед и невзначай задел локтем Агафона.

— А, ты уже тут? — глянул на него чародей.

— Я *еще* тут, — туманно намекая на угрозу Рододендрона, трагическим тоном провещал менестрель, но за отсутствием ей свидетелей ни сочувствия, ни понимания не нашел.

— Ну раз мы в сборе, пошли, что ли, — пока

менестрель размышлял, стоит ли просветить остальных насчет истории его с принцем противостояния, а заодно исполнить на бис новый шедевр, Олаф мотнул головой в сторону полуприкрытых дверей, из которых торчала коротко стриженная чернявая голова — видимо, билетера, и шагнул вперед.

— Нет. Мы подождем, пока пропустят всех, — загородил ему дорогу Иванушка.

— Не переживай, Иван, за нашим могучим конунгом мы пройдем сквозь них как нитка за иголкой! — успокоил товарища Ахмет.

— Я не поэтому. То, что мы приехали последними, а пройдем первыми, некрасиво.

— А то, что нам мест не останется — красиво?! — возмутился Агафон.

— Постоим, — был непреклонен лукоморец. — Они пришли раньше нас, да еще столько прождали!

— А сколько *мы* ждали этого момента!.. И кстати, нас привезли сюда в последнюю очередь не по нашей вине! — поддержала волшебника Серафима.

— Не надо спорить, ваши достойнейшие величества, потому что всё будет именно так, как вы хотите, — раздался вдруг за их спинами вкрадчивый голос.

— Мы — это кто из нас? — практично

уточнила Сенька, оборачиваясь.

— Вы все, — умильно улыбнулся незнакомый атлан. — Я подам команду Вязу начать пускать зрителей прямо сейчас — а когда все они пройдут и разместятся, приглашу пройти ваши величества — места для почетных гостей простолюдины не занимают, это одно из правил моей Арены.

— Вашей? — друзья с интересом взглянули на упитанного, абсолютно лысого атлана с толстым кольцом из усов и бородки вокруг губ — по последней караканской моде.

— Значит, есть и другие правила? — деловито поинтересовался Олаф, и глаза его загадочно блеснули.

— Немного, но имеются, — кротко поклонился бравому конунгу хозяин и добавил, точно прочтя его мысли. — И одно из них — люди не могут биться с големами.

Разочарование, сдобренное недовольством, как каша — маслом у хорошей стряпухи, сконденсировалось на хмурой физиономии отряга, да там и осталось.

— Даже почетные гости?

— Даже они.

— Даже такие, как я? — конунг многозначительно расправил плечи и положил руку на рукоять топора номер двенадцать.

— В первую очередь, такие, как вы, — атлан

был мягок и нежен, как махровое полотенце, брошенное на каменную стену.

— Это почему еще? — рыжий воин почувствовал непреклонность и насутился еще больше.

— Покупать нового голема — слишком накладно даже для такого преуспевающего аттракциона, как мой, — вздохнул и развел пухлыми руками атлан.

Олаф прикусил губу, свел брови над переносицей, размышляя над сказанным, и, наконец, удовлетворенно хмыкнул и успокоился.

— Кстати, представляю вам владельца Арены мастера Олеандра, — сколь запоздало, столь и небрежно кивнул на их нового знакомого принца.

— Неизмеримая честь для меня и моего скромного заведения, словно дождь в пустыне — удостоиться визита столь высокопоставленных особ, — склонился в неглубоком, но почтительном поклоне Олеандр.

Ахмет растроганно улыбнулся в ответ: встретить так далеко от родины человека, понимающего толк в приличной красочной речи — большая, но приятная неожиданность.

Между тем владелец приподнялся на цыпочки, поймал взгляд громалы в дверях и энергично махнул рукой. Двери распахнулись, открывая взглядам путешественников ниши с

сидящими в полумраке толстяками. Народ выдохнул радостно и тонкой степенной струйкой потянулся внутрь здания, послушно оставляя свои медяки и серебро в площадках двух кассиров. Те взамен проворно рисовали на их ладонях пиктограммы рядов и мест, и счастливчики проходили дальше, освобождая дорогу другим.

Такая сверхъестественная, казалось бы, дисциплинированность — сейчас и при ожидании — очень скоро получила неожиданное объяснение. Когда тарабарский матрос попытался проскочить, не заплатив, а в ответ на замечание замахнулся на билетера ножом, один из них, не вставая, ухватил буяна за шкурку одной рукой и швырнул через головы зрителей на другой конец улицы так, как обычный человек отбросил бы банановую кожуру.

Зеваки восторженно заулюлюкали. Кассир приподнялся, поклонился невозмутимо, и снова принялся за свое дело. И только тогда друзья поняли, что это был, во-первых, не обычный, а во-вторых, не человек.

Олаф восхищенно присвистнул, и в глазах его заново вспыхнули азартные огоньки.

— Вот это и есть голем?

— Совершенно точно, ваше величество. Один из них. Самый маленький, — услужливо сообщил Олеандр. — Големы-кассиры сто ят, конечно, тоже недешево, но они не прячут по карманам хозяйское

серебро, не требуют платы, позволяют сэкономить на вышибалах и служат живой рекламой аттракциону. Три медяка актеру, изображающему хулигана — скромная цена за привлечение внимания.

Друзья сконфуженно почувствовали себя обманутыми, глянули на место приземления человека-банановой кожуры, но там уже никого не было.¹⁹

— Но голем-то все равно настоящий! — выразила всеобщую мысль Эссельте, и товарищи, предоставив сбежавшего артиста его нелегкой судьбе, приподнялись на цыпочки и с любопытством принялись разглядывать каменного монстра поверх голов оживленно гудевшей толпы.

Ростом он был едва ли выше отряга, и сделан был по подобию человека, правда, очень грузного и неказистого, но вряд ли кто-то перепутал бы его с человеком даже в темноте.

Тем более, в темноте.

Потому что на темном, почти черном безносом и безротом лице светились тускло, но не

---

¹⁹ А Кириан почувствовал себя обманутым вдвойне, только не понял, кем больше: Олеандром или листовенским владельцем лесопилки — ведь его голем был совсем не таким!..

мигая, два круглых красных глаза.

— Вот так чучело... — Серафима выразила за всех восхищение, замешанное на капле страха и стакане отвращения. — Оно живое?

— Нет, ваше величество, — снова и беззастенчиво повысил гостью в титуле Олеандр. — Их делают в училище техники профессиональной магии Узамбара.

— Это вроде тех оживающих фигур, что мы лицезрели сегодня в музее? — с любопытством предположил Ахмет.

— О нет, ваше величество, на этот раз птица вашего предположения пролетела мимо гнезда истины, — почтительно склонился перед калифом хозяин, точно извиняясь, что высокий гость не угадал. — В музее — всего лишь истуканы, приводимые в движение силой магов-аниматоров. Отвлекись маг — и идол в тот же миг остановится и упадет как простое пугало. Големы же — совсем иное дело... В училище им вкладывают в ухо схем — и с этой минуты голем будет делать только то, что на нем написано.

— Написано на големе? — тупо моргнул конунг.

— Ваше величество изволит шутить... — растянул губы в маслянистой улыбке Олеандр. — Написано на схеме, конечно же. Магом-схемотехником. И стоит такой схем едва ли

не половину самого голема. Но такие подробности, я мню, ниже интереса высоких гостей.

И раскланиваясь, сыпля комплиментами и улыбаясь, словно и ему в ухо кто-то засунул соответствующий схем, атлан повел визитеров внутрь.

Раздвигая по дороге возбужденную толчею из запоздалых зрителей и букмекеров, Олеандр спустился почти к самой арене и указал на ряд обтянутых алым бархатом кресел в первом ряду. От ряда второго и засыпанной багровым песком арены они были отделены невысокими барьерами.

— Прошу сюда.

— Обычно здесь сидят самые прославленные контрабандисты и короли теневого мира Атланды, но это на вечерних схватках, так что пока места свободны, — пробормотал рядом чей-то хриплый голос.

Гости удивленно обернулись и увидели человека, чью голову, высывающуюся из полуоткрытых дверей Арены, они заметили раньше.

— Наш Вяз большой шутник, — рассыпался мелким хохотком Олеандр. — И даже то, что одна из его прибауток когда-то стоила ему руки, его не останавливает.

— Неплохой стимул для совершенствования чувства юмора, — философски заметила Сенька,

окидывая быстрым взглядом черноволосого.

Судя по выражению его небритой физиономии, меньше к шуткам мог быть расположен только могильный камень.

— Располагайтесь, ваши величества, — сделал широкий жест рукой Олеандр, указывая на пухлые сиденья.

Кириан, не дожидаясь отдельного приглашения для миннезингеров, устало плюхнулся на крайнее — и замер с отрешенным видом.²⁰ Остальные размещались уже с большей предусмотрительностью.

Когда гости расселись, Рододендрон неожиданно поклонился и отступил на лестницу.

— Желаю приятно провести время, ваши величества, ваши высочества, — учтиво приложив руку к сердцу, проговорил он. — Тысячи и миллионы извинений, но я вынужден покинуть вас: отец наказал мне обсудить с мастером Олеандром одно неотложное дело. Я присоединюсь к вам вновь сразу, как только схватки завершатся. А пока мы оставляем вас на милость... в распоряжении... в

---

²⁰ Философская истина о том, что камень, обтесанный в виде подушки и обтянутый бархатом, все равно остается камнем, всегда познается именно с таким выражением на лице.

вашем распоряжении, простите, я имел в виду... помощника мастера Олеандра... как там его...

— Кроме того, атланской знати негоже присутствовать на забаве простолюдинов... — прохрипел однорукий и, откашлявшись, неспешно добавил: — днем, в придворных нарядах и без накладных усов.

Принц раздраженно скрипнул зубами, не иначе, как составляя мысленно список под заголовком «казнить завтра утром».

— Ах, Вяз, Вяз... — укоризненно улыбаясь, покачал лысой головой владелец Арены. — Если бы у тебя было с полдюжины рук, я бы тебя еще понял...

— Иногда я сам себя не понимаю, хозяин, — хмыкнул атлан, и друзья впервые увидели его улыбку.

Было с чем сравнивать лишь Агафону и Иванушке: из семерых только они встречались с шерстистой акулой.

Големы и их сражения превзошли все ожидания друзей.

Схватки шли одна за другой с редкими и короткими перерывами: рукопашные, на мечах, на топорах, с булавами и кистенями, на алебардах и трезубцах, с щитами и без... Каменные и железные монстры самых невообразимых и ужасающих видов выходили на арену парами, кланялись публике и

друг другу, показывали арбитру оружие, и по его свистку набрасывались друг на друга с искусством записных фехтовальщиков и неутомимостью машин.

Вокруг разлетались осколки камня и металла, песок, поднятый в воздух ногами и телами бойцов брызгал на первые ряды подобно сухой крови, зрители, вскочившие на ноги еще в начале первого боя, выли, свистели и орали, подбадривая выбранного монстра, а големы с сосредоточенной молчаливостью сражались, словно делали очень важное дело, точно от этого зависела их если не жизнь, которой никогда не было и быть не могло, то что-то очень важное, если таковое для них существовало...

Баталии заканчивались, как правило, одинаково: одно из чудищ падало на песок, поверженное ударом противника, и если тот успевал приставить к его горлу оружие или поставить ногу на грудь, то раздавался двойной свисток арбитра. Под разочарованное улюлюканье поставивших на него болельщиков побежденный уползал на четвереньках за кулисы.

Арбитром оказался Вяз.

То и дело отвешивая поклоны оставленным на его милость гостям, он деловито шмыгал по арене, размахивая рукой подобно дирижеру и дую в латунную, похожую на боцманскую, дудку.

Громадные чудовища, способные зашибить человека одним неосторожным движением локтя, покорно следовали его сигналам, выходя на поле боя и удаляясь с него.

Когда в очередном промежутке между схватками подсобные рабочие выравнивали песок и убирали обломки оружия и щитов, атлан остановился передохнуть рядом с подопечными. И Иванушка не выдержал:

— Как вы можете так собой рисковать, мастер Вяз? А если эти монстры набросятся на вас?

Арбитр расхохотался.

— Я не мастер, принц. Я просто Вяз Однорукий, у которого язык иногда работает быстрее мозгов. А судить бои големов не опасней, чем петушиные: они не могут напасть на человека. Это написано у них на схеме.

— Так они могут делать только, что там написано? — заинтересовался Агафон.

— Да, принц.

Студент расхохотался.

— Я не принц, Вяз. Я просто Агафоник Великолепный, боевой чародей, самый великий волшебник современности, последний маг-хранитель, обладатель посоха Агграндара, одного из десятка артефактов первого порядка, сохранившихся со Смутных времен после Большого Эксперимента. А еще я склонен всё преувеличивать

и бессознательно лгать.

Однорукий фыркнул от смеха, безуспешно стараясь сохранять почтительный вид.

— Тогда мы хорошо понимаем друг друга, мастер Агафоник.

Из-за кулис атлану махнули, подавая сигнал, что к схватке готова новая пара. Вяз, подмигнув напоследок волшебнику, вышел на середину тридцатиметрового круга, проваливаясь по щиколотку в только что разровненном багровом песке, поднял руку, требуя тишины и внимания, как он это делал всегда перед началом сражения. Зрители моментально замолчали — лишь топот ног юрких букмекеров и звон принимаемых ими монет нарушали тишину, готовую взорваться воплями поддержки.

— А сейчас — последняя схватка, господа! — хриплым, но звучным, как скрип дубовой двери, голосом провозгласил атлан. — Стальной Убийца против Гранитного Демона! Меч против палицы! Без щитов! Прием ставок завершен!

Алые, как обшивка их каменных кресел, портьеры раздернулись, и из коридора, ведущего в подземную утробу Арены, показались идущие бок о бок поединщики.

Трибуны восхищенно загудели, Олаф присвистнул, Эссельте ахнула, остальные тоже не задержались с выражением нахлынувших эмоций...

По всем законам жанра мастер Олеандр оставил вкусное на третье: предыдущие бойцы по сравнению с заключительной парочкой казались теперь всего лишь недокормленными первоклашками, не поделившими ластик.

— Погодите... а где у него голова?.. — непонимающе нахмурился Ахмет на каменного монстра — ходячую гору гранитных мышц на коротких мощных ногах.

— Вон, видишь, у него на груди что-то вроде яблока небольшого болтается? — ткнула пальцем в сторону голема царевна.

— Вижу, о глазастая дева севера, — слегка брюзгливо подтвердил калиф. — И какое отношение оно имеет к искомому?

— Самое прямое. Потому что это его голова и есть, — терпеливо объяснила Сенька.

— О... — пораженно захлопал пушистыми черными ресницами Амн-аль-Хасс.

— Сама бы никогда не подумала, — в качестве утешения развела руками Серафима. — Если бы не глаза. Вон, видишь, две точки под бровями?

— Не вижу, — сдался после нескольких секунд усилий Ахмет.

— Значит, он их прикрыл, — дипломатично произнес Иванушка.

— Надеюсь, они у него в самом деле

имеются, — ворчливо пробормотал Кириан, со страхом, граничащим с благоговением взиравший на сотрясающих арену чудищ. — А то вон прет, сам не видит, куда...

Только что налетевший на оппонента Гранитный Демон остановился сконфуженно и запереминался с ноги на ногу, поворачиваясь вокруг своей оси и покачивая яблоком-головой, будто отыскивая среди зрителей знакомых. Были ли глаза у второго поединщика, вопросов ни у кого не возникало: треугольные, горящие красным огнем отверстия в шлеме сомнений на этот счет не оставляли.

Вяз заскочил на барьер неподалеку от подопечных и резко дунул в свисток, давая начало боевым действиям.

И тут несколько иной вопрос встал перед гостями, а заодно и перед остальным залом.

А есть ли у гигантских големов уши?

Потому что с таким же успехом арбитр мог сдуть соринку со своего носа или остужать горячий чай.

Если уши у них даже и были, то оба чудовища им не повели ни в малейшей степени.

Зрители загомонили недоуменно и запереглядывались. То тут, то там над головами впавших, казалось, в летаргию бойцов залетали стал раздаваться свист, выкрики, улюлюканье...

Потому что теперь не только Демон, но и Убийца тяжело и бесцельно топтался на песке, позабыв про соперника и про оружие, и с любопытством разглядывал трибуны.²¹

Изумление на разбойничьей физиономии Вяза могло смело соперничать с удивлением всей аудитории вместе взятой. Он набрал полную грудь воздуха, дунул в свою дудку еще раз, еще и еще, снял с шеи, оглядел вопросительно, перевел непонимающий взгляд с нее на невозмутимо топчущихся големов, на притулившуюся у входа на арену парочку рабочих, на зрителей, на гостей хозяина...

И тут глаза каменного голема вспыхнули, словно два светляка.

Они остановились на Иване.

— Кажется, он тебя узнал, — хихикнул Агафон.

— Н-не думаю, что мы знакомы... — нервно пробормотал лукоморец.

Гранитный Демон, казалось, придерживался другого мнения. Он степенно расправил ссутуленные плечи, отчего стал похож на гору, решившую полетать и, не сводя немигающего взора

---

²¹ И там, куда падали заинтересованные взоры големов, громкость и раздражение как-то сами по себе сходили на нет.

с напряженного лица Иванушки, сделал в его сторону один шаг, второй, третий...

Все взгляды друзей, замороженные и удивленные, были прикованы к физиономии чудища, и поэтому выметнувшаяся к голове царевича рука толщиной со старую березу застала врасплох. В запасе у Ивана оставалась лишь доля секунды и, прежде, чем кто-нибудь успел среагировать, он бросился на Олафа, роняя того на чародея, который сшиб с сиденья Ахмета, низвергнувшего Кириана...

На котором эффект домино и прервался, за неимением более объектов для сшибания, и бард, сидевший с краю, шмякнулся в проход и тут же был придавлен приземлившимся на него калифом и магом.

Жуткий кулак величиной с арбуз-рекордсмен опустился на пустые сиденья, разбивая их вдребезги. В следующее мгновение в то же место ударила палица, сокрушая еще и барьер, и каменные осколки брызнули веером, разъяренными осами впиваясь в отпрянувших зрителей с верхних рядов.

— Кабуча!!!.. — только успел вскрикнуть маг, нащупывая потерянный посох, как глаза Стального Убийцы вспыхнули хищным огнем, и железная громада рванула к нему, сшибая по пути замешкавшуюся каменную и заноса над головой

меч. Аудитория всколыхнулась, и разноголосые вопли ужаса слились в сплошную, раздирающую барабанные перепонки, какофонию...

Поверх которой яростно-ликующим громом пронеслось неистовое:

— Мьёлнир, Мьёлнир!!!

Тупая сталь меча чудовища с оглушительным звоном встретилась с топором номер двенадцать, и полетели в разные стороны искры, топор, Олаф... и меч.

Обезоруженный голем растерянно замер, словно вместе с мечом у него отвалились и руки, отступил на несколько шагов и бестолково закрутил головой, отыскивая помутневшими очами то ли новую жертву, то ли оружие.

Первое попало ему на глаза скорее: перебираясь через барьер наверх, Эссельте наступила на подол и упала, уронив и запутав в юбках, накидках, шарфах и пелеринах вытягивавшую ее Сеньку и не успевшего убежать знахаря, и теперь куча-мала из трех тел и одного парадного наряда истерично барахталась на полу, пытаясь уже если не убежать, то хотя бы отделиться друг от друга.

Монстр сверкнул треугольными провалами глаз и неуклюже двинулся к ним, выбросив, похоже, из головы потерянное оружие. Да и на что тонне ходячего металла стальная полоса с ручкой?..

— Хель и преисподняя!..

Перекатившись по песку, Олаф вскочил на ноги, вырвал из ножен за спиной два новых топора, одним скачком преодолел разделявшие их с големом метры, запрыгнул на барьер, и голова его оказалась уже на уровне плеч монстра.

— Повернись ко мне рожей, железяка!!! — взревел отряг, не дожидаясь ответа, подскочил и иступленно замолотил топорами по месту соединения кирасы со шлемом — или головой?.. — словно дрова рубил на время.

Толстая сталь под натиском конунга глухо загудела, точно бил он литую болванку: удары, способные расколоть самый крепкий доспех, оставляли на теле голема лишь неглубокие щербины и вмятины.

— Мьёлнир, Мьёлнир!!!

Чудовище замедлилось, но не остановилось. Раскачиваясь, как пьяное, оно протянуло громадные руки к неистово барахтающимся на полу людям, и тут Олаф, взбешенный и униженный презрением к своей персоне, получил доступ к голове.

С хриплым ревом он подскочил, и всей массой литых мускулов ²² обрушился на склоненный

---

²² Плюс неразлучная коллекция топоров, участвующих и не участвующих в сражении.

шлем, вкладывая в удар не только свой вес, но и раскаляющуюся не по минутам — по секундам ярость, от которой шарахнулись бы даже мухоморщики. Под натиском монстр покачнулся, накренился... Силясь удержаться, он уцепился огромной, как ковш экскаватора, пятерней за ограждение, попытался другой схватить отряга, лишь сшибая того с ног — и грохнулся на спину, сотрясая землю и выламывая кусок барьера. Руки его рефлекторно дернулись, и каменный фрагмент весом с трех Олафов отправился на другой конец зрительного зала, кореза и плюща опустевшие²³ чугунные скамьи.

— Аос, Аос, Аос!!! — ликующе взревел рыжий конунг, мангустом скакнул ему на грудь, размахивая топорами, и снова принялся долбить поверженного противника, норовя отделить его голову от всего остального.²⁴

Искры полетели из-под лезвий — и из глаз

---

²³ Потому что какой же зритель, достойный своего билета, останется в дальнем конце зала, когда с ближнего видно всё гораздо лучше, и все букмекеры уже там?

²⁴ «...в принципе, Аос может использовать ее как плафон для ночника... или вешать на нее шляпки... или двери подпирать, когда уходит...»

отряга, когда стальная лапища в попытке сцапать наглеца задела его по макушке, сшибая шлем.

— Аос, Аос!!!.. — не прекращая усилий ни на мгновение и не обращая внимания на плавающую перед глазами черно-красную муть, конунг рычал и бешено молотил топорами по тому месту, где у всех существ — из мяса или железа — должна была быть шея.

Если бы перед ним была обычная стальная болванка, не говоря уже про живую тварь, она уже лежала бы на багровом песке Арены печальной горкой разрозненной анатомии. Но это был голем.

С утробным мычанием монстр сел рывком, опираясь на одну руку и пытаясь другой прихлопнуть приставшего к нему человека. Олаф, едва — но не совсем — успев увернуться, скатился с него как с горки. Башка чудовища повернулась вслед за противником, и треугольные прорези глаз вспыхнули, точно огни горячего Хела. Исполинская лапа выбросилась вперед, и оглушенный конунг, не вставая, метнулся в сторону. Голем перевернулся набок, грохнул растопыренной пятерней там, где долю секунды назад был отряг, и рядом, и еще, и снова... там же... точно слепой.

Конунг вскочил, смахивая с лица кровь и песок, последний топор стиснут в кулаке, готовый умереть, сражаясь...

И согнулся пополам, роняя оружие.

Да, трехметровые стальные громады с человекоубийственными инстинктами и розовыми в голубой цветочек подъюбниками на голове иногда производят такой эффект на неподготовленных людей.

— Дуй отсюда, пока он не очухался!!! — проорала теперь уже Сенька с плеч Убийцы, затагивая сзади на шею голема запчасть придворного туалета Эссельте морским узлом.²⁵

Монстр отчаянно махал руками, пытаясь сорвать нечто, лишившее его видимости не хуже любого тумана, но огромные железные лапы, способные держать оружие весом в десятки килограмм, были бессильны перед эфемерным облаком муслина.

— Ну нет!!! — торжествующе проорал рыжий воин и бросился за отлетевшим топором.

— Уходим, говорю!!! — соскочила на песок перед ним царевна, перекатываясь и едва не сшибая с ног. — Если бы големов можно было раздолбать руками, Олеандр покупал бы новых после каждой схватки!!!

— Отряги не бегут!!! — опьяненный боем, Олаф думал уже не головой, а лезвием топора.

---

²⁵ «Я так и знала, что не может быть абсолютно бесполезной такая уйма ткани!»

Легким движением руки он смёл Серафиму с пути, рванулся вперед...

Справа от нее что-то сверкнуло ослепительно белым.

— Тогда ложись!!!..

И не дожидаясь реакции, Сенька кинулась на него, валя наземь.

В плечо Стального Убийцы ударился огненный шар, срикошетил, промчался с визгом у них над головами и зарылся, оплавляя песок, в нескольких сантиметрах от колена отряга.

— Реньи гады?!.. — отпрянул конунг.

— Хуже! Агафон разбушевался! — выкрикнула царевна. — Бежим отсюда!!!

Против голема, может, даже против двух, Олаф выстоять бы собрался. Против Агафона — даже одного — он не стал бы сражаться даже в шахматы.²⁶

Без дальнейших уговоров он сгреб Сеньку в охапку, подхватил топор и, пригибаясь, устремился прочь — туда, где маневрируя по опустевшим скамьям, скакал Иван, не столько отбиваясь, сколько убегая от исступленно, но бестолково размахивающего кулаками Гранитного Демона.

---

²⁶ Да, естественно, в первую очередь потому, что не умел играть, но ведь была и очередь вторая!..

Тонкое чугунное литье мялось и рвалось под исполинскими ножищами и остервенелыми ударами кулаков, но лукоморец всегда умудрялся уворачиваться и наносить ответные удары прежде, чем огромная лапа впечатала бы в каменный пол и его.

Волшебный меч царевича давно искрошил как колбасу каменную дубину монстра, но против его пропитанной магией каменной плоти был бесполезен. Мелкие осколки отлетали от гранитных мышц после каждого удара, но разбушевавшегося голема это только раззадоривало и он, тяжело и неуклюже перебираясь с яруса на ярус, ломился на врага как пьяный гиперпотам, молотя ручищами направо и налево в попытке добраться то ли до Ивана, то ли до Агафона, которого тот прикрывал.

После того, как огненные шары и прочий импровизаторский набор не причинили вреда ни Убийце, ни Демону, маг взбежал на самый верхний ярус, заставляя толпу зевак отшатнуться, трясущимися руками нервно вырвал что-то из рукава и уставился на это, не мигая.

Из медитации над куском пергамента его вырвал кусок скамьи, просвистевший над макушкой, врезавшийся в стену и там застрявший.

— Ваня, Агаша, уходим!!! — провопила царевна, мчась по проходу вверх. — Сеанс кончился!!!

— Но мы... не можем... оставить... их так!!! — прорычал сквозь зубы Иванушка, принимая удары каменных кулаков на иссиня-черный клинок — и медленно отступая. — Они... представляют... угрозу... для общества!

— Вань, убери его от меня, он мне мешает!!! — крикнул чародей, закрыл глаза и принялся стремительно выписывать в воздухе свободной рукой светящиеся ультрамарином вензеля. Пальцы другой вцепились в посох, вызывая к жизни по всей его длине крошечные васильковые искорки.

В попытке отвести чудовище от волшебника, Иванушка рубанул мечом по предплечью голема — безрезультатно, как всегда — и отскочил влево, делая вид, что удирает.

Гранитный Демон пер вперед, даже не повернув яблока-головы на дезертирующего противника.

— Агафон, он к тебе!!! — растерянно выкрикнул лукоморец.

— Я тоже очень рад... — процедил маг, не прерывая пассов.

— Беги!!!

— Маги не бегут...

— Мьёлнир, Мьёлнир!!! — уже домчавшийся до выхода Олаф не удержался от соблазна, вернулся и очертя голову налетел на каменного

монстра, выдирающего вторую скамью для нового удара. Частички камня брызнули из-под лезвия, но голем, не замечая ни повреждений, ни нового неприятеля, упрямо ломился к магу.

— Я... не могу... его... удержать!.. — проорал Иванушка лупя изо всех сил мечом по тянущимся к нему гранитным лапищам и уворачиваясь. — Беги на улицу!!!

— Не надо его держать!!! — глаза чародея пылали азартным огнем. — Сделай так, чтобы он был рядом с тем!!!

— Тебе того сюда доставить, или этого вниз отнести?! — возмущенно выкрикнула Сенька.

— Лучше этого вниз! — радостно закивал волшебник, и синие искры оторвались от посоха и весело заметались вокруг его головы.

Стальной Убийца, словно услышав дискуссию и решив из врожденной поперечности сделать всё наоборот, продрал, наконец, дыру в наброшенной ткани, повел башкой, впился горящим взором в улизнувшую добычу и попер вверх. Розовый муслин, зацепившийся за шипы шлема, пенился вокруг его головы цветочным облаком из какой-то нелепой пародии на сказку про фей.

— Олаф, сзади!!! — провизжала сверху Эссельте.

Отряг обернулся мгновенно, и топор стальной стрекозой вылетел у него из руки и ударил голема в

лоб.

То ли покачнувшись от неожиданного удара, то ли споткнувшись, он с грохотом растянулся ничком, дробя доспехами камень лестницы, но тут же приподнялся, заворочал башкой, отыскивая цель, и снова попер вперед — хоть на этот раз для верности на четвереньках.

— Кабуча!!! — пятясь, испуганно воскликнул маг, и посох неровно полыхнул синевой в такт его эмоциям. — На кой пень они мне тут!!! Тащите их вниз!!! Вниз, говорю!!!

— Мой не идет за мной! — беспомощно выкрикнул царевич.

— А мой — идет! — с гордостью выкатил грудь отряг, сжимая в кулаке последнее оружие — засапожный нож.

— Кабуча габата апача дрендец... — мученически скривился и простонал волшебник.

За его спиной — и по всему периметру Арены, если приглядеться — воздух начинал мерцать и подрагивать. Остатки зевак, еще не выскочивших из зала, испуганно закусили губы и прижались к стенам. Драки они понимали и любили, чего нельзя было сказать о магии...

— Мне надо... чтобы они... были вместе... — яростно промычал Агафон.

— Каменному нужен ты! — растерянно крикнул Иван.

Едва он переставал рубить Демона мечом, как тот моментально терял к нему интерес и перенацеливался на чародея.

— К-кабуча... — снова простонал маг, продолжая демарш задом от настойчиво добирающегося до него голема, словно троекратное повторение этого слова могло решить все проблемы. — Кабуча, кабуча-а-а-а...

На красной от напряжения физиономии отразилась короткая борьба идей и эмоций. Взгляд на Демона, разбивающего кулаками проход среди ярусов и скамей в пяти метрах от него... на Убийцу, преодолевавшего последние три ряда до застывшего в боевой стойке конунга... Решение пришло быстро.²⁷

— Все на арену!!! Помогите мне дойти!!! — прорычал неразборчиво он, ни на секунду не прекращая плести заклинание.

Иванушка понял всё без слов.

— Все на арену!!! — выкрикнул он и, не дожидаясь ответа, ухватил за плечо замершего словно в летаргии волшебника и быстро поволок к проходу — и вниз.

Отряга, полностью доверявшего его

---

²⁷ Много времени на то, чтобы добраться до адресата, у него просто не было.

премудрию, уговаривать тоже было не надо.

Выкрикнув в горящие бешенством треугольники едва добравшегося до него Убийцы: «Не догонишь, варгов нос!» и сопроводив заявление убедительным жестом, он поднырнул под занесенную стальную руку и поскакал вниз, перепрыгивая через две ступени.

Стоявший на четвереньках голем рванулся, стараясь достать наглеца, потерял равновесие и с грохотом покатился по лестнице, догоняя и — к счастью — перегоняя успевшего отпрыгнуть конунга. Пара Иванушка-Агафон в сопровождении проворно ломящегося по пятам Демона прибыла на место встречи лишь несколькими секундами позже.

— На счет «три» разбегаемся в разные стороны... — выдавил сквозь зубы маг, и царевич тут же повторил это во всё горло подбежавшему отрягу.

— Раз...

Големы, словно воодушевленные неподвижностью жертв, растопырили руки и потрусили к центру арены навстречу друг другу — каменный молот и стальная наковальня.

Крупные капли пота выступили на лбу чародея, он зажмурился, прерывисто дыша, словно пытаясь одной силой мысли разобрать по камушку Атланик-сити, мерцающая пелена у стен вскипела грозовой синевой, выплескиваясь под потолок...

И вдруг густеющей на глазах стеной помчался вниз.

— ТРИ-И-И-И!!! — взвыл Агафон и бросился бежать.

Уточнять, пробелом ли это было в математическом образовании чародея, трюком или осечкой никто не стал.

Как и сговариваться заранее, кто в какую сторону будет разбегаться.

Летающие опроретью трое бойцов едва не снесли Убийцу с ног, но стальная лапа готового ко всем неожиданностям голема дернулась, слясь сграбастать хоть кого-нибудь... И задела волшебника по лбу.

Не успев и охнуть, он повалился, роня посох.

Чудовище занесло ногу, целя в голову упавшему, но замыкающий бегство конунг на ходу сграбастал Агафона, и ступня восемьдесят девятого размера обрушилась лишь на край его балахона. Отряг дернулся было за посохом, но поймал краешком глаза мчащийся на них уже почти непрозрачную стену магии... и впервые в жизни позволил перехватить управление собой не куражу и амбициям, но инстинкту. Повинуясь чутью, он рванул так, как не бегал в своей жизни еще ни разу.

Встретиться с синевой было все равно, что налететь на стену настоящую. От неожиданности Олаф вскрикнул, замедлился было, но

содрогнувшаяся позади под шагами големов земля мгновенно придала ему свежих сил и решимости. Утроенные усилия, скрип стиснутых зубов, фонтан песка из-под сапог, глухой рык отчаяния, гнева и боли — и барьер вместе с застрявшим в нем сапогом и клоком агафонова одеяния остался позади, а сам он, не выпуская ношу из рук, повалился обессиленный, точно прошел сквозь камень, а не магию.

Синяя стена за его спиной глухо содрогнулась, будто нечто огромное силилось ее проломить. Отряг вздрогнул ей в такт, попытался вскочить, чтобы бежать или сражаться, хоть и кроме Агафона в его руках ничего теперь не было... Но в следующую секунду жуткий скрежет ржавым тесаком полоснул по ушам, словно оптовую партию сувенирных доспехов вместе с подставками пропускали через гигантскую мясорубку. Грохот нарастал, пока не превратился в сплошной оглушительный гул, разрывающий барабанные перепонки, раскалывающий мозг, лишаящий способности соображать...

И внезапно стих.

Звонящую эхом разбитой стали и камня тишину нарушал только топот стремительно спускающихся по лестнице шагов — Иван, Серафима, Ахмет, и даже Кириан и Эссельте в легкомысленных обрезках того, что еще несколько

минут назад было роскошным платьем, мчались к расprostертым на песке друзьям — и к раскиданным по всей арене искореженным и раздавленным останкам големов.

А еще через несколько мгновений воздух взорвался отдаленными — но от этого не менее буйными — криками. Это самые отважные букмекеры и зрители, осмелившиеся задержаться под крышей Арены, доложили остальным об исходе сражения, и теперь поставившие на людей и против приветствовали и оплакивали свои решения.

Но маленькому отряду, быстро превращающемуся в большую инвалидную команду, было не до них.²⁸

— Агафон?..

— Олаф?..

— Вы живы?..

— Нет... А что?.. — выпустив, наконец, мага из судорожных объятий, рыжий воин приподнялся на локтях, сделал попытку встать...

Плюхнуться лицом в песок ему помешало исключительно сознание того, что на него сейчас устремлены взоры десятков зрителей, торопливо вливающих обратно в здание.

---

²⁸ Хотя Сенька краем мозга и взялась прикидывать, какой процент с прибыли букмекеров им причитается.

— Агафон, Агафон!.. — бросились к неподвижному волшебнику друзья, осторожно перевернули на спину...

Эссельте тихо пискнула и прижала пальцы к губам: открывшееся зрелище было не для слабонервных девиц. Но дочь правителя Гвента и, тем более, тайная ученица одного придворного лекаря и невеста другого — девица не абы какая, и уже через несколько мгновений принцесса сосредоточенно нахмурилась и ухватила волшебника за запястье, нащупывая пульс.

— Ну?.. — затаив дыхание, безмолвно приподняла брови Сенька.

— Жив, — кивнула гвентянка, и в следующую секунду вокруг нее закипела бурная деятельность.

Она повелительно махнула менестрелю, командуя отстегнуть от пояса флягу с вином, и сердито дернула остатки подола, отрывая кусок относительно чистой ткани.

— Кириан, найди Фикуса. Ахмет, придумай, из чего сделать носилки, — поливая тряпочку шатт-аль-шейхским вином, крепленным атланской настойкой на полыни, принялась командовать она. — Олаф, Айвен, смотрите, чтобы мне никто не мешал. Серафима...

Но царевны поблизости уже не было.

Как замороженная, бродила она вокруг обломков бойцовых монстров, то и дело

наклоняясь, переворачивая, перебирая их, разгребая, поднося к глазам и разглядывая, словно это были редкие произведения искусства, а не хлам, подлежащий отправке на мусорную кучу, не слыша и не видя, казалось, больше ничего.

Даже усилий своего мужа и конунга сдержать напирющую толпу любопытных.

— А ну, воро ны, чего вытаращились, кыш!..

— Пожалуйста, не мешайте, отойдите...

— Валите отсюда!..

Но никто и не думал ни не мешать, ни отходить, ни тем более валить: ²⁹ оживленно переговариваясь, зеваки глазели на реанимационные мероприятия принцессы, на заморскую знать вообще и на отряга, отыскивающего свой любимый топор номер двенадцать и всю остальную коллекцию — в частности. Некоторые, самые нахальные, пытались незаметно разжиться обломком голема на память, пока никто из администрации не видел, но приподняв даже самый маленький, тут же бросали: десяток кило стали или гранита в карман не положишь и подмышкой не унесешь.

И прямо пропорционально весу выбранного и выброшенного сувенира возрастало уважение к

---

²⁹ В сторону, противоположную арене, естественно.

рыжему воину, приосанившемуся и забывшему о своих ранах под сотней восхищенных взглядов.

— У-ух, здоров, кабан...

— Вблизи еще здоровше...

— Голем здоровше его был...

— Шибко ему это помогло...

— Кабы не маг, козлонога драного твой кабан бы победил...

— Да тебе-то и носоглота не одолеть, помалкивал бы, дока...

— Точно! Так ему!.. Так и скажет пусть, что на голема ставил, и неча на парня бочку катить!

— Пожалуйста, не толпитесь, раненому нужен свежий воздух!

— Двигайте, двигайте на свои трибуны, кому сказано!..

Там, где герои последней схватки проходили с увещеваниями разной степени культурности и терпимости, народ послушно отступал назад, но стоило им удалиться, как толпа снова, подобно прибою, накатывалась на потерянные только что позиции. И лишь одна граница охранялась твердо и незыблемо — та, где поперек прохода лежала двухметровая потухшая серая палка — посох Агафона. Целый и невредимый, чего нельзя было сказать о тех, кто пытался его поднять, перешагнуть или обойти.

— Представление окончено, расходитесь... —

в который раз повторил Иванушка, разводя руками — то ли намекая жадным до зрелищ атланам и гостям столицы, что надо бы отодвинуться, то ли просто от беспомощности.

— Э-э, нет! Никто никуда не расходится! — толпа заколыхалась, передние ряды расступились. Из-за спин на песок вальяжно, по-хозяйски, выплыл Вяз и оценивающим взглядом окинул притихшую ораву любопытных. — Что значит — «расходитесь»? Сейчас подойдут кассиры и будут собирать плату за дополнительное зрелище, не включенное в программу. Приготовили все быстренько по два серебряных тополя, желательно без сдачи!

Даже его премудрие не нашел бы на своей чудесной шпаргалке волшебных слов, что разогнали бы несколько сотен возбужденных зевак за полминуты.

— Спасибо, — с благодарностью кивнул Иванушка.

— Вам спасибо за представление, — усмехнулся атлан, повернулся к отрягу и почтительно склонил голову. — И если ваше величество сегодня вечером часов в девять не придумает, чем достойным себя занять, то вы, я полагаю, догадываетесь, где вам будут очень рады.

— Не хотелось бы за несколько дней пустить вашего хозяина по миру, — усмехнулся конунг,

снисходительно кивая в сторону завала в центре арены. Зарождающийся ответ арбитра заглушил нервный, бьющийся на грани истерики крик, донесшийся от входа:

— Пропустите, пропустите меня!!!..

Иванушка, Олаф и Вяз тревожно вскинули головы, и увидели, как расталкивая остатки быстро дезертирующих зрителей, внутрь ворвался Фикус и помчался по разбитым, заваленным обломками скамей и ярусов ступеням, спотыкаясь о собственные ноги, точно и без них запнуться было не обо что, так, что Кириан едва поспевал за ним.³⁰

— Ваше высочество, ваше высочество... — панически хлопая себя по бокам, сбивчиво и растерянно повторял знахарь, словно заклинание. — Ваше высочество...

Добежав до барьера арены, лекарь остановился, словно налетел на невидимую стену, рука его метнулась к сердцу, а ноги едва не опустили хозяина на пол.

— В-ваше... в-высочество... Вы ж-живы...

— Нет, я умерла, — не слишком любезно сообщила принцесса, не отрываясь от обработки агафонова лба.

Фикус прикусил до крови губу и молниеносно

---

³⁰ Или успешно делал вид, что хотел поспеть.

оглянулся: менестрель, словно выбившись из сил, остановился шагах в двадцати от него и, насвистывая что-то фальшиво, принялся задумчиво изучать потолок.

— Носоглот лишний... — вырвалось у лекаря не от ума, но от души.

— Зато какая прыть! — то ли самому себе, то ли кому-то еще пробормотал Кириан.

— Ну что ты, уснул?! — возмущенная паузой там, где рассчитывала на скорость, возвысила голос Эссельте. — Иди сюда! Доставай спирт, иглу и кетгут — быстрее! Надо зашить рану, пока он без сознания!

— Я... у меня...

— Ну же, не стой, разинув рот, давай свою сумку!

— Но... там... там нет иглы...

— А что у тебя там есть?!

— Всё для вашего высочества... Нюхательные соли... Притирания для висков... Пастилки от тошноты... с фруктовыми вкусами... двадцать сортов... Снотворный порошок... ароматизированный корицей... и ванилью... Успокоительная микстура...

— Сиххё тебя забери!.. — чуть не подпрыгнула от бессильного раздражения гвентянка. — Да что ты за лекарь?! У Друстана всегда всё было под руками!

— У кого, ваше величество?.. — сморгнул Фикус.

— У моего будущего мужа! — сердито рыкнула Эссельте, не упуская момента гордо вскинуть голову, и тут же дернула из рук медика его ридикуль. — Что у тебя есть, что подойдет для обработки ран?

— Настой пустырника и валерьяны может подойти...

— Доставай, — гвентянка решительно сунула сумку ему обратно в руки и полезла в потайной кармашек на груди, где хранился маленький швейный наборчик на неожиданные случаи жизни.

Серафима разгребала последний слой обломков, когда Иван и Олаф, избавленные от необходимости отгонять зевак, присоединились к ней. В нескольких шагах за их спинами застыл в ожидании, как в засаде, Вяз.

— А кстати, что мы ищем? — поинтересовался конунг, деловито поднимая и отбрасывая через плечо кусок за куском.³¹

— К-кабуча... — вздохнула Сенька и выпрямилась, энергично растирая кулаком

---

³¹ Что искал он, было понятно: любой фрагмент, по которому было бы понятно, от чего он был оторван, сгодился бы на сувенир для Аос.

затекшую поясницу. — Знать бы еще, что мы ищем...

— В смысле? — наморщил лоб Иванушка, с грохотом роняя гранитный камень размером с переросший кабачок на нечто стальное, завязанное узлом.

— В смысле, я подумала, что если големы могу делать только то, что записано у них на схеме, то у этих кто-то запись изменил. И, может, если найти этот схем, то Агафон смог бы сказать, как, когда и кем он был изменен.

Иван и Олаф замерли. Такой аспект произошедших событий в голову им придти пока не успел, если собирался вовсе.

— Изменен?.. — недоуменно скривил разбитую губу конунг. — Но кому надо его изменять?

Вяз как бы невзначай приблизился на пару шагов и оказался в пределах слышимости. И Сенькиной видимости.

— Кому надо, тот и изменил... — пробормотала царевна, косясь на атлана.

Потом иная мысль пришла ей в голову.

— Кстати, вот кто нам может помочь, — обворожительно улыбнувшись, обернулась она, подхватила арбитра под единственную руку и обвела широким жестом разбросанную ей кучу перекрученного металла и дробленого камня.

— С превеликим моим удовольствием, ваше величество, — покривил губы в попытке куртуазной улыбки Вяз. — Если только вы объясните, что в этой гряде хлама... еще двадцать минут назад — стоимостью с особняк в центре города... может быть интересного.

Брови царевны при обозначении цены перемолотых магией големов дрогнули, и почти сразу же приподнялись во второй раз — при мысли о том, как отреагирует на известие мастер Олеандр. Но лирика ей пока была чужда.

— Или что в этой гряде хлама может интересного не быть, — тихо проговорила Серафима. — Ты знаешь, Вяз, как выглядит схем?

— Схем?.. — нахмурился, размышляя, атлан. — Я видел только один... довольно давно... Это был зеленый пергамент со множеством пересекающихся золотых полосок и драгоценными камнями, вставленными каким-то образом... да, конечно, магией... туда, где полоски встречались.

— Пергамент... — поморщилась царевна как от зубной боли. — То есть, после агафоновой мясорубки от него и следа могло не остаться...

— Я думаю, осталось бы, — задумчиво сощурились глаза атлана. — Это особый пергамент. Его нельзя ни порвать, ни сжечь. Не то, чтобы кому-то пришло в голову это делать — волшебники Узамбара, которые делают големов, дают за

возвращаемый схем половину его начальной цены.

— Зачем он им? — удивился отряг.

Однорукий пожал плечами:

— Говорят, что они вкладывают его в свежего голема. Сдирая с покупателя деньги как за только что сделанный, естественно. Я слышал, чтобы создать новый схем, требуется с десятков недель, иногда — месяцев, если заказ особо сложный.

— А сколько времени нужно, чтобы изменить старый? — цепко прищурилась Серафима.

Вяз ответил таким же внимательным взглядом из-под черных нависших бровей, выдержал паузу и тихо проговорил:

— Не думаю, что их можно менять.

— Руками, может, и нет. А магией? — предположила Сенька.

— Самое главное в схеме не магия, а расположение линий и камней, — покачал головой арбитр. Магия всего лишь дает им жизнь, а что это будет за жизнь — диктует наплавленное на них золото и самоцветы.

— У тебя степень в магических искусствах? — недоверчиво усмехнулась царевна.

Вяз улыбнулся в ответ.

— Вы могли бы просто спросить, откуда мне это известно.

— Хорошо, спрашиваю.

— Отвечаю, — склонил в насмешливом

полупоклоне голову атлан. — Когда мы с хозяином ездили в Узамбар за этими двумя... — однорукий кивнул в сторону обломков, — то пришлось немного там подождать, пока наш заказ будет закончен. Мы жили там дней пять, прямо в их училище, общались с мастерами и учениками... Поверите или нет, но это были весьма познавательные пять дней.

Лицо царевны приняло отрешенно-сосредоточенное выражение, мысли заметались в голове как испуганные белки: «Кабуча... Значит, схем не меняли... То есть, получается, на схеме было записано, что в один прекрасный день они должны напасть на зрителей в первом ряду? Причем за одним из них они должны были гоняться несмотря ни на что?.. Чушь какая... Они разглядывали толпу! Высматривали именно нас! Но почему?.. Но как?.. Но кто?.. Тис?.. Как? И зачем? Мы ж не международный трибунал... Боится, что найдем наследника? Но я бы на его месте дождалась, пока найдем... если найдем... а уж потом порешила... И причем наследника, а не гостей... Дичь. Чушь. Чушь и дичь... Не сходится... Ничего не сходится!»

Разговор тем временем тек дальше.

— И часто вам приходилось возвращать схемы? — спрашивал Иванушка.

Вяз медленно, словно припоминая, качал

головой:

— На моей памяти — только один раз.

— А что с тем големом случилось?

— Прошлого хозяина Арены посетила гениальная мысль выяснить, кто сильнее — голем или горный демон.

— И откуда он взял в городе горного демона? — недоверчиво хмыкнул Олаф.

— Нет, в городе, конечно, демона бы ему никто не дал, — усмехнулся атлан. — Поэтому он собрал зрителей, готовых заплатить за невиданное зрелище — богатеньких сынков, нанял мага, выбрал голема — вроде Стального Убийцы, только покрупнее — и отправился в горы искать и выманить демона дикого.

— И нашли? — позабыв про раздумья и сомнения, спросила царевна.

— Нашли, — усмехнулся арбитр. — Конечно, для этого пришлось выходить за защитную линию, а после этого бродить еще день... но нашли.

— И что? — полюбопытствовал конунг.

— Через два дня Арена приобрела нового хозяина, тот — нового голема... Ну а несколько знатных родов Атланды — новых наследников титулов. Кстати, ваши величества, я рад, что у ваших родов не возникла та же проблема.

— А уж мы-то как рады... — ухмыльнулась царевна.

Вяз хохотнул, собирался что-то ответить, но снова шум со стороны входа отвлек его и собеседников.

— Дык, двери узкие...

— И низкие...

Через распахнутые двери, колышась, как фруктовое желе ассорти, протискивался такой же разноцветный паланкин с четырьмя носильщиками в ливреях. В паланкине, рядом с закутанной в шелка дамой, испуганно таращащей глаза под дымкой вуали, восседал Ахмет. В руке его был зажат церемониальный крис-нож, черные очи метали искры, усики воинственно топорщились.

— Быстрее, быстрее, вы, дети улитки и черепахи!!!

— И лестница тут корявая...

— И навалено на ней горные демоны знают, что...

— Это не значит, что нужно ползти подобно умирающим тараканам, о позорище рода носильщиков!

Дама под вуалью, увидев над собой крышу и заслышав голоса, осмелела.

— Ты не смеешь повышать голос на мою прислугу! И куда ты меня привел, негодяй?! Если тебе нужны мои драгоценности... Кольца... колье... браслеты... диадема... Вот! Возьми и убирайся! Душегуб, мерзавец, подлец!!!

Пассажирка паланкина яростно сунула в свободную руку калифа сорванные с себя украшения.

Словно ужаленный оскорблением — или действием женщины, Ахмет рывком повернул к ней голову, отшвырнул со звоном заскакавшие по ярусам драгоценности, прищурился, будто тигр на антилопу...

— Любые драгоценности по сравнению с самоцветами ваших бездонных глаз — пыль и дым на горизонте безводной пустыни!

— Вор! Похититель!.. — по инерции выкрикнула дама, сбилась с вокабуляра и дыхания, когда славословие калифа дошло до нее, но быстро обрела душевное равновесие и продолжила с не меньшим апломбом: — Подхалим! Лъстец! Краснобай! Если тебе не надо золото, забирай паланкин и прислугу, но дай мне выйти, мужлан и нахал!!!..

— О, чудная гурия севера, чей голос прекраснее журчания ручья в полуденный зной, мы не можем допустить, чтобы дивная ножка горной газели коснулась этих нечистых камней! — молитвенно прижал к груди руки Ахмет.

— Я прошу позволения выйти уже три минуты, когда камни еще были чистыми!

— Но мы сочли бы себя опозоренным навеки, если бы позволили обворожительной пэри диких

краев, при виде чьего лика сама луна от стыда закрывает себя затмением, ходить пешком там, где она достойна скользить над грешной землей подобно хрустальному облаку!..

Калиф прослезился.

Дама растерялась.

— Но... вы меня похитили... даже не видя моего лица!..

— Блеск нечеловеческой красоты может ослепить неподготовленные очи, ибо недостойны мы, сырые и слабые духом, лицезреть волшебный облик изумительной феи!.. — встал на свою защиту шатт-аль-шейхец.

— О...

— ...А голосок горнего духа, доносящийся из уст, что слаще финикового меда, предполагает красу, заставляющую стыдливо померкнуть все краски садов Сулеймании! — изящно выровнял он линию фронта.

— А...

— Я каждую весну не знаю, что со мной.

Клянусь, всю жизнь готов я верен быть одной,
Когда бы не цвели вы, дщери Сулеймана,
Стремительней, чем яблони весной!³²

— перешли в контрнаступление армии Шатт-аль-Шейха.

— Ах... Ну право же...

— Наше восхищение обворожительной девой севера не знает границ, и летит впереди нас, подобно майской ласточке к милому сердцу гнезду! — молодецким броском добрались они до столицы противника.

— Право же...

— Мы теперь обязаны вам многим, и если вы готовы простить нас и разрешите исполнить наш долг, то как честный угонщ... человек мы готовы распахнуть двери нашего сердца гению непорочной красоты!

И город пал.

— Право же, лентяи, чего, чего вы там копаетесь?! Перебирайте ногами, бездельники, уволю всех!

— Да, хозяйка...

И паланкин мощностью в четыре носильщицких силы не в ногу, но энергично поскакал вниз по искореженным ступеням к тускло освещенной Арене.

— Что... это?.. — ошалело вытаращил глаза арбитр.

Серафима догадалась первой и прыснула.

— Это Эссельте поручила Ахмету придумать

что-нибудь с носилками для Агафона!

Угонщик паланкинов обернулся в их сторону и, чуть приподнявшись, отвесил царевне замысловатый поклон.

— Для нашего премудрого чародея я готов сделать все, что от меня зависит, даже ценой тридцать седьмого брака!

— Ваши величества!!! Ваши высочества!!!.. — выкрик, долетевший от дверей, взмыл напуганной совой к куполу Арены и сорвался. Глухое его эхо потерялось под хрустким топотом сапог по усеянным битым камнем и рваным металлом ступеням.

— А вот и он — больной зуб... — кисло скривилась царевна.

— Скорее, геморрой, — уточнил Кириан.

За его длинноногим высочеством Рододендроном едва поспевал невысокий плотный Олеандр. С трясущимися руками, потерянно бегающим по следам разрушений взглядом, морально готовящийся — и отчаянно не готовый — к еще бо льшим потерям, он вызывал сочувствие даже у еле выжившей антигаурдаковской коалиции. Рука Иванушки произвольно сама потянулась к кошельку... И была перехвачена крепкой пятерней любимой супруги.

— Ваня, требовать с него компенсацию ущерба в такой момент — неэтично. Давай

повременим немного. Минут пять.

— Сеня!.. — возмущенно захлопал глазами лукоморец, не зная, принимать ли слова жены в шутку, или как всегда.

Но момент был упущен. Владелец кучи мусора стоимостью с особняк в центре столицы с потрясенным видом проскочил мимо них, остановился у своего имущества, безмолвно и бесшумно ударяя себя руками по бокам. А к группке победителей скорым шагом, подозрительно похожим на медленный бег, приблизился наследник короны. Но не успели юноши промолвить и слова, как принц быстро пробубнил нечто вопросительно-ободряющее и молнией метнулся к распростертому на песке чародею — и Эссельте.

— Ваше вы... — начал было задавать он вопрос, но спохватился, проклял дипломатические выверты и насколько поспешно, настолько и неудачно поправился: — Никто не пострадал?..

Голубые глаза принцессы медленно оторвались от раны чародея и окатили его высочество, как выразился калиф, позже описывая магу этот момент, ледяной водой презрения из грязной лохани гнева.

— Кроме волшебника, я имел в виду! — быстро выкрутился принц.

— Кроме волшебника, Олафа, Ивана, Эссельте, меня, Ахмета, Кириана, двух големов,

сего почтенного заведения и финансового положения мастера Олеандра — абсолютно никто и ничто, — со светлой улыбкой подошла к ним Серафима.

Рододендрон намек понял, обернулся на юношей, чей внешний вид по сравнению с утренним отнюдь не улучшился, на Ахмета со свежим синяком на скуле, на Кириана, взирающего на него из узких бойниц подбитых глаз³³ с выражением завидевшего жертву снайпера, глянул на широкую ссадину на руке царевны, на модернизированный туалет гвентянки³⁴ — и прикусил губу.

— Сожалею, что неотложные дела не позволили мне присутствовать, когда произошел этот несчастный случай.

— Иногда неотложные дела хороши именно своей неотложностью, — согласно кивнула Сенька.

— Золотые сло...ва... — начал было ответный реверанс Рододендрон и осекся, уловив второй смысл высказывания гостыи.

— Я... — медленно багровея от гнева, выговорил атлан, и снова замолк: глядя в

---

³³ Левый — вторично.

³⁴ Гораздо более заинтересованно.

безоблачно-честные очи лукоморской царевны, заподозрить ее даже в знании термина «двойное дно» было верхом нелепости.³⁵

— Да, ваше высочество? — вежливо склонил голову набок Иван, вклиниваясь — на всякий случай — между супругой и атланом.

Вдобавок к разгромленной Арене и раздавленным големам, изувеченный наследник престола был бы уже слишком.

— Я... хотел сказать... что мне действительно очень повезло... ваши высочества... ваши величества... — проклиная всю дипломатию оптом и всех иностранных стерв в розницу, натужно улыбнулся принц. — И со своей стороны корона Атланды сделает всё от нее зависящее для наказания виновных... и благополучного выздоровления пострадавших.

При этих словах Рододендрону в голову пришла новая мысль, и он оглянулся по сторонам.

— Кстати, о выздоровлении...

Придворный лекарь насчет «кстати» придерживался совсем иного мнения. Вспомнив, что вместо того, чтобы сообщить его высочеству о

---

³⁵ И был абсолютно прав: в понятии Сеньки словосочетание «двойное дно» относилось лишь к чайникам улучшенной планировки.

произошедшем, он протоптался, зажатый толпой, у стен Арены, Фикус побледнел. То, что новая династия информированность — особенно в моменты кризиса — ценила превыше всего, он знал как никто другой. Поэтому боком-боком, как бы невзначай, знахарь стал отступать, рассчитывая переждать грядущую бурю под прикрытием тихой гавани широких спин гостей, где, может, про него еще и забудут... Но не успел.

Холодные надменные глаза королевского сына отыскивали провинившегося медика, и тот сжался, словно перед ударом.

— Кстати, о выздоровлении... ваше высочество... — наложив последний стежок, подняла голову принцесса, и на ее чумазом лице отразилось волнение и растерянность. — Если бы не опека драгоценного мастера Фикуса... не знаю, как бы я пережила этот... ужас... особенно после утреннего падения... Ваш знахарь не отходил ни на шаг — по вашему приказу, несомненно... его прямой заслуги тут нет, я понимаю... но присутствие его было весьма ободряющим... и полезным. Позвольте выразить вам мою глубочайшую признательность... за вашу ненавязчивую... заботу.

Сказать, кто опешил больше — принц или его лекарь — было вряд ли возможно.

Замешательство в стане оппонентов умножил

Амн-аль-Хасс. Не обращая внимания на нарастающую международную напряженность местного масштаба, он выпрыгнул из паланкина, прижал к сердцу ладонь, к губам — пальцы, взметнувшиеся тут же в воздушном поцелуе такого накала, что ярко-помидорный окрас физиономии дамы стал заметен даже через вуаль, и проговорил:

— Не соблаговолит ли жар-птица наших помыслов подвинуться немного, чтобы самый ученый из магов, сраженный супостатами, мог возлежать смиренным грузом рядом с вашими крутыми, как склоны Шоколадных гор, бедрами, вызывая томные приступы нашей ревности?

— А-а-а... Д-да... К-конечно... — смиренно проворковала жар-птица помыслов.

— Мастер Фикус, его перемещать можно? — вопросительно глянула на королевского лекаря Серафима.

Тот бросил слегка растерянный взор на Эссельте, потом на царевну, наконец, на раненого, и сдержанно покачал головой:

— С превеликой осторожностью и риском для больного. Хотя при таких травмах наука предписывает лежать в полном покое как минимум до прихода в сознание и дня два после.

— Я мог бы... предложить вашим величествам и его премудрию свой дом... хоть и покрытый теперь несмываемым позором в глазах

всего Белого Света... — понурый, со стиснутыми перед грудью руками, из-за носилок выглянул хозяин Арены. — Но может, гостеприимство искупит хоть малую толику моей вины в этом невероятном происшествии...

Антигаурдаковская коалиция, собравшаяся вокруг неподвижного друга, обменялась быстрыми напряженными взглядами.

— Если мастер знахарь считает, что дорога повредит ему... — с сомнением начал Иванушка.

— ...нам придется принять ваше любезное приглашение, — Серафима вежливо склонила голову в сторону владельца разгромленной Арены.

— А далеко ли до вашего дома? — вспомнила самое важное Эссельте.

— Два квартала, ваше величество, — почтительно склонился хозяин.

Гости его снова переглянулись, бессильно пожали плечами и вздохнули: в любом случае, два квартала было ближе, чем полгорода.

Через полчаса Агафон, умытый и переодетый в новую ночную рубаху хозяина, был перевязан — на этот раз умелой рукой придворного целителя запасами из домашней аптечки Олеандра, и уложен в постель. Самая большая гостевая комната была в срочном порядке освобождена от дальнего родственника хозяина, вымыта, снабжена дополнительными креслами и передана в полное

распоряжение антигаурдаковской коалиции.

Мягкий свет близящегося к горизонту солнца пробивался сквозь витражи, бросая на бежево-желтый ковер зловещие багровые тени, и впечатлительный калиф, едва войдя, тут же поспешил распахнуть окно.

— Эта комната напоминает нам фамильный склеп, — в порядке объяснения сообщил он хозяину, и тот пал духом еще больше.

— Это закат, ваше величество... и проклятые витражи... каприз дочери... Мы здесь не бываем почти... на третьем этаже — комнаты гостей.

— Комнаты? — заинтересовалась царица. — Это хорошо. А то уж я было подумала, что нам придется спать на полу.

— На полу?! — в ужасе вытаращил глаза Олеандр.

— Спать?! — и без того изрядно прохудившуюся стену высокомерия Рододендрона окончательно пробило изумление. — Но вы — гости короны, и мой отец и я сочтем себя оскорбленными, если вы предпочтете всем удобствам дворца халупу какого-то...

Заметив закаменевшее лицо хозяина, принц сбился, вспыхнул краской досады в тон своему наряду и торопливо поправился:

— То есть, дом... предпринимателя... средней руки.

— Ваше высочество, — галантно склонила голову Серафима, опираясь на посох. — Вы не поверите, но мы действительно предпочитаем удобства дворца...

— ...но не можем оставить Агафона одного здесь! — пылко договорил за нее калиф.

— Может, умирающего... — скорбно утер несуществующую слезу Кириан, и получил сердитый тычок от своей госпожи.

— Да, я понимаю... — градус возмущения наследника атланского престола несколько снизился. — Но вовсе нет необходимости оставаться с ним всем. Фикус будет дежурить у его кровати... или другой лекарь. Ну и еще кто-нибудь из вас, кто пожелает, может остаться здесь...

— Мы делаем все именно так, как ваше высочество предлагает, — голос Ивана был скучен и прохладен, как лукоморский ноябрь. — Рядом с Агафоном остаются только те, кто пожелает...

— То есть все, — договорил за него Олаф, как топором рубанул по дипломатическому маневрированию.

— Но весь ваш багаж и даже ковер — во дворце! — Рододендрон сделал последнюю отчаянную попытку вернуть незваных гостей туда, где за ними можно присматривать.

— Благодарю, что напомнили, — вежливо улыбнулся Иванушка. — Если вы не возражаете,

ваше высочество, я вернусь с вами во дворец и всё заберу. Потому что сразу же, как только наш друг придет в себя, мы рассчитываем отправиться на встречу с Адалетом.

— Не смею вас удерживать, — спесиво вздернулась верхняя губа и голова атлана. — Если иностранные гости предпочитают трущобы дворцу, так тому и быть.

— Мы тоже были рады с вами познакомиться, — лучезарно улыбнулась принцу Сенька.

Когда за наследником Тиса и Иваном закрылась входная дверь, антигаурдаковская коалиция, оккупировавшая дом с негласного попустительства расстроенного хозяина, снова собралась вокруг постели волшебника.

— Ну, как он? — было первым вопросом всех.

Фигус, не глядя на гостей, встал и поклонился.

— Пока изменений нет, ваши величества, ваши высочества.

— Хель и преисподняя... — досадливо скривился отряг. — Уже час, наверное, прошел!..

— Я буду считать успехом, если он очнется хотя бы завтра, ваше величество, — снова склонил голову лекарь.

— Ничего, у него голова крепкая! — стараясь убедить, скорее, себя, чем кого-либо еще,

проговорил Олаф. — У Ахмета в гостях нас тогда вон как завалило — и ничего!

— Это Ивана тогда вон как завалило, — ворчливо поправила конунга царица.

— Вот я и говорю — Иван отрубился, а Агафону хоть бы что! — бодро гнул свою утешительную линию рыжий воин.

— Боги всемогущие что-нибудь да обрушивают на наши несчастные головы... — кисло вздохнул менестрель с кресла, не отрывая от обоих глаз медные монеты, что тоже жизнеутверждающих ассоциаций у наблюдателей не вызывало.

— Если бы боги — я бы как-нибудь договорился, — безрадостно хмыкнул отряг.

— А кто ж еще? — не желал отказываться от своей теории бард.

— Кто-кто... — пробурчала Сенька, покосилась на притихшего на банкетке в углу лекаря, и чуть тише договорила: — Ренегаты в пальто...

— Думаешь, это они? — непроизвольно потянулась к топору рука Олафа.

— А кто еще? — обвела друзей царица вопросительным взглядом в поисках иных теорий. — Больше некому. Не истуканов же и вправду винить.

— А мне кажется, — тихо заговорила

гвентянка, — что это был кто-то другой.

— Если вообще не сами големы неожиданно ополоумели, — Кириан поднялся, взволнованно пробежался пальцами по струнам лютни, оборвал мелодию на половине такта и подошел к окну. — Кто сказал, что такого не может с ними быть? Кто про них тут вообще хоть что-то знает, кроме того, что они большие, тупые и делают то, что написано на каком-то схеме?

— Почему вы так решили, о хитроумные пришельцы с туманного Гвента? — недоуменно хлопнул пушистыми ресницами калиф.

— Потому что сначала я тоже думала, что ренегаты, — медленно, словно не привычная к объяснению своих мыслей, заговорила принцесса. — Но потом меня осенило, что если бы они хотели на нас напасть, то они не стали бы ждать, пока мы приедем в Арену, и не стали бы натравливать на нас этих чудовищ. Можно же было сделать все проще и быстрее! Где-нибудь в городе, например. В музее, у фонтанов, на улице, наконец!

Среди товарищей воцарилось нервное молчание. Новая версия нравилась им еще меньше старой: если ренегатов они знали и понимали, то кто-то еще, таинственный, без видимых им причин принуждающий големов нападать на людей, мог бы скоро заставить подпрыгивать от каждого шороха и бояться теней. По сравнению с ней вариант о вдруг

и просто так сошедших с ума големах казался почти сказочно привлекательным, в который хотелось верить изо всех сил.

Но не верилось.

— Может быть, Сель, ты и права... — первой нарушила тишину Серафима. — Но я вот тоже подумала... Конечно, это всё — сплошные домыслы и вымыслы... Но мне отчего-то пришло в голову... Да, это глупость какая-то, сама знаю, но... Короче, мне подумалось, что если бы ренегаты атаковали нас в открытую, это было бы безусловным нападением. А вот так, через големов... вроде как несчастный случай. Потому что Кириан ведь правильно сказал: кто и что про них тут знает? Напали — значит, взбесились. Они виноваты — и больше никто. Ну и мы еще... что среди бела дня поперлись, куда приличная местная знать без накладных усов не ходит.

— Но зачем ренхим гадам нужно притворяться?! — свирепо нахмурился отряг, щелкнул досадливо по лезвию топора номер двенадцать, и тот согласно отозвался на слова хозяина басовитым звоном. — Зачем?! Раньше они не очень-то прятались!

— А может, они боялись Агафона? Или хотели застать нас врасплох? — отвернулся от окна менестрель.

— Агафон и в Арене был с нами, — резонно

заметил калиф. — А врасплох они могли нас застигнуть и в городе, как мудро провещала принцесса северных ветров, несравненная Эссельте!

— И еще один хороший вопрос... — угрюмо вздохнула Серафима. — Если это были не просто спятившие со своих схемов долдоны, откуда тот, кто натравил их на нас, узнал, что мы будем там?

— И случайно или нет его пышноцветущее высочество умотало в это время чай с хозяином гонять? — вспомнил разговор царевны с Рододендроном и произнес менестрель.

Глаза Эссельте расширились от изумления и ужаса:

— Вы думаете... что големов натравил на нас Тис?!..

— Тис?..

— Да! Он ведь знал, что мы там будем! А еще вспомните музей — правда, мы с Симой там толком ничего поглядеть не успели, но ведь фигурками солдат и демонов там управляют маги-имитаторы!

— Аниматоры, — машинально поправил бард.

— Какая разница! — нетерпеливо отмахнулась принцесса. — Смысл в том, что они могли бы заставить и этих истуканов делать то, что хотят, а не то, что написано на их схеме!

— Но ему-то зачем нас убивать? — недоуменно наморщил рассеченный лоб юный

конунг.

Но не успела Сенька высказать ранее пришедшее ей в голову возражение и этой теории, как Эссельте с негодованием поднялась с кресла и уперла кулачки в бока.

— Он боится, что мы найдем наследницу! — убежденно заявила она, и с гневом воззрилась на знахаря, все это время затаившейся мышью сидевшего в самом темном углу. — Которую мы, на самом деле, никогда не найдем из-за упрямства одного бесчувственного истукана!

— Голема? — не сразу уловил Олаф полет метафоры.

— Голем на его месте был бы сообразительней! — сердито воскликнула девушка. — И понял бы уже двести раз, что мы не в игры здесь играем, и что на кону стоит судьба Белого Света!

Из дальнего угла, оккупированного королевским медиком, донесся тяжелый вздох.

— Я... это понял... ваши величества, ваши высочества... И если обещания ее высочества принцессы гвентянской Эссельте насчет убежища Вишне в любой другой стране остаются в силе...

— Да, конечно!

— ...то я скажу, где ее можно найти. Вернее, кто может знать, где она прячется.

Чтобы добраться до цели, у маленького отряда

из Олафа, Кириана, Сеньки и Фикуса ушло два часа. Два часа проплывающих мимо и сливающихся в одну бесконечную картину портовых кварталов, причалов, складов, рыбацких халуп, перевернутых на ночь лодок, напоминающих выбросившихся на берег дельфинов, таверн, кузниц, плавилен, домов удовольствий... Два часа торопливого пути сквозь толпы снующих горожан и гостей столицы в непрерывном ожидании магического удара сбоку, сзади или со всех сторон сразу.

Два часа, заставивших товарищей думать, что Атланик-сити кончится не раньше первой пограничной виселицы Караканского ханства.³⁶ И что за это время там, в доме Олеандра, где Эссельте и все еще не пришедший в сознание чародей остались под сомнительной защитой хозяина, ненадежной — Ахмета и непредсказуемой — посоха, даже за пять минут могло произойти очень и очень многое...

Дорога постепенно сузилась, потеряла свое мощение, но вокруг стало чуть светлее — насколько это было возможно в восьмом часу вечера. Путники недоуменно огляделись:

---

³⁶ То же самое, что пограничный столб, но гораздо эффективнее по части предотвращения контрабанды и несанкционированных входов-выходов из пределов страны.

двух-трехэтажные каменные коробки по обеим сторонам дороги, напоминавшие, скорее, гигантские надгробия, постепенно сменились маленькими домишками из низкосортного камня. За медными оградами виднелись крошечные чахлые огородики размером с хорошую лукоморскую клумбу. Тут и там в пыли под ногами прохожих и по канавам шмыгали пестрые тощие куры вперемежку с такими же собаками и детьми. Из распахнутых окон с позеленевшими медными рамами на экзотического вида чужаков тарасились и шурились обитатели одноэтажного Атлантик-сити, и от их взглядов втиснувшегося между Серафимой и Олафом менестрелю становилось не по себе.

— Куда это мы так долго идем, о молчаливейший из эскулапов? — Кириан поправил на плече неразлучную лютню, оглянулся с тоскливой нежностью на очередной кабак, оставшийся позади, отхлебнул снова из аварийной фляжки и решительно нарушил обещание не задавать вопросов раньше времени.

Друзья его согласно кивнули и снова впились настороженными взглядами в хиреющий с каждым шагом пейзаж: город, похоже, кончался, а обещанного знатока местонахождения Вишни так и не наблюдалось.

Фикус понуро и безмолвно вышагивал впереди, словно забыл, что за ним идет еще кто-то,

и даже не повернул головы на голос барда. Помолчав еще какое-то время, будто заново обдумывал, стоят ли иноземцы его доверия, придворный врач в конце концов, проговорил, не поднимая глаз:

— Мы почти уже пришли. Дальше будет перекресток, и от угла — пятый дом на дальней стороне. Но вы туда ходить не должны.

— Это почему? — подозрительно склонила голову царевна.

— Чтобы не напугать ее, — неохотно выдавил знахарь.

— Вишню? — обрадованно встрепенулся Кириан.

— Нет, — будто через силу покачал головой атлан.

— А кого тогда? — недоуменно скривил разбитую и распухшую губу отряг.

— Ее мать.

— Так значит, наследняя последница... в смысле, последняя Наследница... прячется не здесь! — глубокомысленно изрек поэт.

— Может, это у вас в Гвенте люди прячутся там, где живут... — с неожиданной брюзгливостью проговорил лекарь.

— Не волнуйся, — твердая рука Сеньки уверенно легла на плечо Фикуса. — Мы заберем ее и сразу покинем страну. Больше она сюда не

вернется, если не захочет. И, кстати, все ее родственники могут присоединиться к ней в любое время. Денег на дорогу мы дадим.

Королевский медик отрывисто кивнул, и царица почувствовала, что малая доля напряжения спала с его души.

— А если хочешь, то и ты со своими... кто у тебя там есть... можешь уехать с ней, — вовремя подхватил отряг. — Хороший знахарь пригодится везде!

— Ну с легендарным Друстаном мне уже точно не сравниться, — кривовато усмехнулся атлан, не отвечая на предложение.

Еще несколько шагов — и он остановился у серой глухой стены неказистого, но крепкого дома на углу и поднял в предупреждении руку:

— Дальше не надо ходить, ваше величество, ваше высочество, менестрель... Подождите меня здесь, пожалуйста.

— А может, нам поближе постоять? Ты уверен?.. — поиграл пальцами на рукояти топора конунг.

— Что матушка Груша не причинит мне вреда? — невольно хмыкнул врач. — Да, уверен, ваше величество.

— Ну смотри, — героически выпятил нижнюю губу и отставил ногу менестрель. — А то ведь нам не долго...

— Обязательно буду смотреть, — послушно склонил голову Фикус, без дальнейших слов завернул за угол и пропал из виду.

— Будет, как же... — недовольно пробурчала под нос Серафима и, чуть отойдя от стены, как бы невзначай выглянула в пересекающий их улочку переулок.

— Он сказал ждать его здесь! — прочитав намерения, написанные у царевны не то, что на лбу — на всей ее поверхности крупными буквами жирным шрифтом, брюзгливо напомнил Кириан.³⁷

— Так для его же блага стараюсь... — вздохнула непонятливости товарища царевна.

— Мы обещали, Сима, — сурово, хоть и без особого убеждения поддержал миннезингера Олаф.

— Ну хорошо... уговорили... — Сенька мученически завела под лоб глаза и прислонилась к стенке рядом с друзьями. — Пойду минут через пять ...

— Десять, по-хорошему, — покачал головой отряг. — Должен же он с хозяйкой дома поговорить сначала, о здоровье спросить, о жизни поинтересоваться, о соседях... Неприлично сразу к

---

³⁷ Во имя справедливости будет сказано, что скорее из чувства противоречия и глубокого недовольства прошедшим днем, нежели врожденной верности данному слову.

делу переходить.

— Угу, — угрюмо промычала Сенька. — Здоровье, соседи, Жучка, внучка... а потом пироги еще сядет есть...

— Пироги?.. — что-то болезненно ёкнуло в желудке менестреля. — С картошкой и грибами, поди еще?

— Да с мясом тоже ничего бы было... — забыл про этикет и загрустил Олаф, не к месту и не ко времени вспомнив, что обедали они в двенадцать, а время уже скоро восемь.

— Эгоисты эти атланы, — сурово приговорил Кириан под аккомпанемент желудочного оркестра, варящегося в собственном соку при одном упоминании волшебного слова «пироги».

— Почему? — не поняла царевна, прогоняя жестоким усилием воли собственные фантазии на тему разнообразной выпечки.

— Мог бы нас с собой пригласить, вот почему! — менестрель обиженно прищурил подбитый дважды глаз, отчего тот вовсе скрылся из виду.

— Может, он пугать ее не захотел? — с сомнением предположила Серафима, оглядывая товарищей.

— А чего ей нас пугаться? — на опухшей физиономии барда, больше всего похожей сейчас на морду панды, как могло, отразилось недоумение.

— Вот и я о том же... — машинально поправил съехавшие с плеча ножны заспинных топоров рыжий воин.

— Ну может, он догадается пирожков с собой прихватить? — неуверенно предположила Сенька.

— Жди да радуйся... — ворчливо выдавил музыкант.

— Может, ему намекнуть? Я могу им в окошко постучать! — осенило конунга, и он с готовностью подался вперед.

— Стой!!! — спешно воскликнула царевна в отчаянной попытке предотвратить если не катастрофу, то сердечный приступ у старушки — наверняка. — А... может у нее на ужин сегодня не пироги, а... какой-нибудь суп! Из шпината и сельдерея!

— С мясом? — остановился отряг.

— Без! — решительно сообщила Серафима и принялась наносить превентивные удары, отсекая возможности оппонента к маневрированию. — И без лука! И без рыбы! И без курицы! И даже без соли!

— Ну и гадость... — скривился Олаф и вернулся на место.

Кириан, который шпинат признавал лишь в качестве оберточного материала для пудинга, с негодованием кивнул.

— Точно, гадость! Сама ест, что попало, да

еще гостей приглашает... В который раз убеждаюсь, какие всё-таки эгоисты, эти атланты!

Пока мужчины сурово затихли, переваривая вместо пирожков новые представления об атланском характере, Сенька как бы невзначай сделала несколько шагов на середину улицы, стрельнула глазом налево, отсчитывая от угла пятый дом...

Беспокоиться об этом ей было не нужно.

Потому что за проволочным забором одного из домов около низенького крылечка как-то странно, будто лунатик или пьяный,³⁸ топтался Фигус. Он то поворачивался вокруг своей оси, направляясь к калитке, то останавливался, сделав несколько шагов, тряс головой, тер ладонями виски, снова шел к крыльцу, заходил на него, брался за дверную ручку, и почти сразу же снова разворачивался и плелся сначала во двор, а потом к калитке, и снова поворачивал к дому — и всё повторялось сначала.

— К-кабуча... — прошептала Серафима с таким видом, что спутники ее, моментально забросив свою ученую дискуссию, насторожились.

— Что там? — хрипло прошептал Олаф — брови грозно сведены над переносицей, рука на

---

³⁸ Или пьяный лунатик.

рукою топора номер двенадцать.

— Кабуча... — повторила царица, словно в порядке пояснения. ³⁹ — А тетка-то наша непростая...

— У ней ручка золотая? — не удержался от рифмования Кириан.

— Скорее, язычок... — пробормотала Сенька и, не дожидаясь вопросов, коротко пояснила: — Кажется, она у нас колдунья.

— В смысле, ведьма? — дрогнуло что-то в лице конунга, будто ожидал он, что вот-вот из-за угла матушка Груша, не доевши шпинатного супа, с гиканьем вылетит на помеле.

— В смысле, кабуча драная, — вздохнула царица. — Не знаю, дома она или нет, но на крыльцо наложено заклятье склероза... или как там оно по-научному называется... Это когда каждый, кто приходит без приглашенья, забывает, зачем пришел и уходит со спокойной душой восвояси.

— Так ведь это же далеко!!! — в ужасе расширились очи менестреля. ⁴⁰ — Вот хрычовка!..

---

³⁹ Впрочем, так оно и было.

⁴⁰ Восвояси на карте Белого Света располагались рядом с Вотвоясами на территории бывшей Вамаяси. Да, гражданская война — штука нехорошая...

— А Фигус где сейчас? — шагнул вперед отряг, не дожидаясь ответа на собственный вопрос.

— Наш эскулап еще держится, — Сенька хмуро мотнула головой в сторону медика, блуждающего под недоуменными взглядами соседей. — Значит, внутренняя мотивация визита у него была очень высокая.

— То есть, если мы сейчас туда придем, то не просто развернемся и попрумся в Вамаяси...

— Восвояси, — дотошно поправил Олаф.

— ... а будем шараться туда-сюда как он? — не расслышав конунга, осторожно, боком выдвинулся на перекресток бард.

— Да. То есть, нет, — задумчиво проговорила царевна. — Как раз на такой интересный случай научила меня бабушка одной полезной штуке...

Если соседи матушки Груши, высыпавшие из своих домишек поглядеть на придурковатого гостя, думали, что развлечение их на сей вечер закончилось, то они глубоко ошибались. Потому что из-за угла с перекрестка вдруг появилось чудо: выступая важно, словно на параде, по самой середине улицы шествовал двухметровый громила с лютней и в женской куртке, натянутой с горем пополам на одно плечо. За ним следовал упитанный светловолосый тип с помятой физиономией, в потрепанной волчьей безрукавке с плечами до локтей и длиной до коленок, и с мечом и луком в

руках. Замыкала колонну то ли девица, то ли парень в ярком трехцветном жакете размеров на шесть больше, сгибающаяся почти пополам под тяжестью навьюченных на плечи пяти разнокалиберных топоров.

Надетые на косулю сапоги тоже не способствовали бодрости их шага.

Не обращая внимания на восторженный визг ребятишек и ехидные шуточки мужиков, троица вальяжно проковыляла к калитке, за которой топтался, как ополоумевший, дородный незнакомец в черном с красными вставками камзоле лекаря.

Субъект с топорами остановился на крыльце перед закрытой дверью с висячим замком, которая через несколько секунд превратилась в дверь открытую с замком лежачим, громила подхватил под руку знахаря, и все четверо дружно ввалились в дом, гулко захлопнув за собой окончательно деморализованную вторжением дверь.

Еще через пару секунд зеваки тупо заморгали, переглядываясь изумленно и дивясь, на что это они могли тут пялиться, сконфуженно пожали плечами и вернулись кто к своим делам, кто к их отсутствию.

В избушке что-то звонко грохнуло.

— Как... ты их... всё время... таскаешь... — прохрипела Сенька, наваливаясь без сил на спинку ажурного чугунного стула.

Олаф стянул с себя серафимину куртку, вытряс вежливо Кириана из волчьей безрукавки, подобрал сваленные в кучу топоры и бережно развесил их по своей персоне.

— Пожалуй, ты права... — задумчиво промышчал он, поводя так и эдак плечами. — Один не сбалансирован, перетягивает... Нужно шестой подыскать — для равновесия.

— Или сразу уж еще пять, — пробрюзжал бард, взволнованно пробегая пальцами по струнам лютни и подстраивая тона и полутона, сбившиеся под касанием огромных лап воина.

— Нет смысла, — горделиво усмехнулся отряг. — Как правило, хватает четырех.

Серафима тем временем быстро прошлась по кухне, двум комнаткам, завернула в погреб, на чердак, выглянула на задний двор...

Сомнений не оставалось: в доме они были одни.

— Мастер Фикус? — потрясла она за плечи застывшего словно в ступоре лекаря. — Эй, мастер Фикус?

Атлан заморгал непонимающе, будто и впрямь был пьяным, или заснул на ходу, тряхнул головой, едва не свалившись, неуклюже поднес руки к лицу и принялся энергично растирать его.

— Где... я?.. — наконец, проговорил он и обвел вопросительным взором немудрящий

интерьер и ожидающих его пробуждения спутников. — Я... мы... вы... Бабушка Груша?.. Где бабушка Груша?

— Никого нет, — коротко ответила царевна, пока не вдаваясь в подробности.

— Вы... ее напугали! Я же просил вас не приходите!.. — обвиняюще уставился на них знахарь, спохватился, ужаснулся собственной смелости, опустил глаза и спешно протараторил: — Ваше величество, ваше высочество...

— Да не было тут никакой бабушки, и дедушки тоже не было! — раздраженно звякнул лютой менестрель. — А если бы не мы, ты бы до сих пор по двору бродил как привидение!

— И ты не сказал, что мать Вишни — ведьма, — с упреком воззрился на медика Олаф.

— В...ведь...ма?.. — распахнулся настежь рот королевского лекаря. — Бабушка Г-груша?..

— А ты не знал? — поднялись домиком брови Сеньки. — Она наложила на свое крыльцо заклятье, чтобы незваные гости не ходили.

— Бабушка Груша?.. — словно оглохнув, тупо повторил знахарь. — Ведьма?..

— Да! — нетерпеливо буркнул Кириан.

— Нет! — решительно замотал головой атлан. — Нет! Что ты такое говоришь! Да она даже за лечением всегда обращалась или ко мне, или к местной ведунье!

— Может, дар не всегда проявляется в детстве или в юности? — неуверенно предположила царица.

— Конечно, ваше высочество, я ничего не знаю о магах и их способностях... — потрясенно развел руками Фигас, — Но... я никогда не предполагал... что первые таланты у них могут заявить о себе лишь в шестьдесят восемь лет!..

— Шестьдесят восемь?! — дружно вытаращились три пары глаз. — *Шестьдесят восемь?!*

— А сколько тогда лет Вишне?!

Атлан коротко задумался, загибая пальцы.

— Сорок семь. А что? Это что-то меняет?

— Н-нет, абсолютно ничего... — покачала головой царица. — Просто... когда говорили, что...

И тут новая мысль ударила в голову, словно вся коллекция топоров Олафа.

— Погоди!.. А сколько тогда лет было Дубу Третьему?!

— Сорок, ваше высочество, — всё еще не понимая, в чем суть проблемы, сообщил доктор.

— Слушай, лебедь, чего ты нам сказки рассказываешь? — подбоченившись, сердито фыркнул миннезингер. — Как дочь может быть старше отца?!

— Насчет Вишни ты это пошутил, что ли? —

недобро нахмурился конунг.

— Дочь?.. Отца?.. Пошутил?.. — Фигус недоуменно сморгнул, и только тут до него дошло. — Ах, вы про это!.. Нет, конечно, нет! Вишня — дочь Дуба! Но Дуба Второго! Отца покойного короля!

— Ладно, хоть деда, лишь бы дочь, — с облегчением выдохнула Серафима и снова огляделась по сторонам, точно рассчитывая из расположения мебели и неубранной посуды на столе вычислить местонахождение неуловимой Наследницы. — И лишь бы найти...

— А заклинание она могла купить у Кизила, его мастерская всего в трех кварталах отсюда! — отметая остатки сомнений, предположил лекарь. — Правда, это недешево, совсем недешево, но он иногда дает их в рассрочку, если человек хороший знакомый и очень надо...

— Могла... — рассеянно кивнула Сенька, не отрывая глаз от корыта, доверху заваленного грязной посудой вперемешку с остатками еды.

— Груша жила не одна? — вслед за царевной принялся изучать комнату менестрель.

— Если бы у моей бабушки был такой кавардак, дед выгнал бы ее из дому, — разглядывая истоптанный пол и рассыпанную перед поддувалом плиты угольную крошку, неодобрительно произнес конунг.

— Нет, одна... Всегда... обычно... — впервые обратив внимание на беспорядок, неуверенно выдавил придворный врач. — Вишня приходила ее навещать... иногда... но... но...

— Может, старушка болела? — предположил Кириан.

— Соседи помогли бы ей! — не задумываясь, ответил атлан. — Очень добрые и внимательные люди, я сам когда-то, давно, правда, жил через два дома отсюда, я знаю! Они всегда так делали: если кому-то неможется, то принести воды, помыть пол, посуду или сварить обед их не надо было и просить!..

— Или покормить птичку... — продолжила ряд добрых дел Сенька.

— Да, конечно... — кивнул, обрадованный пониманием, знахарь, и замер. — Какую птичку?

— Голубую, — неопределенно мотнула головой куда-то вверх царевна. — Которая в клетке на чердаке.

Если бы она сама превратилась вдруг в птицу, изумление лекаря не было бы таким внезапным и полным.

— Птичку?! Голубую?! На чердаке?!

И, не дожидаясь пояснений, он с уверенностью человека, не однажды бывавшего в доме на правах близкого друга, стремительно проскользнул мимо конунга, юркнул в соседнюю

комнату, из нее — в другую, откуда на крошечный чердак вела спиральная лестница, и грузно затопал по кованым ступеням наверх.

Когда маленький отряд добрался до лестницы, в проеме чердачного хода уже маячил встревоженный Фикус. В руке его была большая медная клетка. А в клетке — голубь необычного небесно-голубого цвета.

— Это он... он... он... — потрясенный до глубины души, бормотал без остановки лекарь, трясая головой, словно надеясь, что наваждение, каким бы оно ему не представлялось, от этого рассеется и сгинет.

Но, похоже, ни рассеиваться, ни пропадать морок не собирался, и потерянное бледное одутловатое лицо странным маятником качалось в полутьме чердака.

— Он — это кто? — не выдержала первой Сенька.

— Королевский... почтовый голубь... — точно всё еще не веря себе, медленно проговорил атлан. — Специально выведенная магами порода... очень малочисленная... Каждая птица сто ит как взрослое дерево... Есть только у короля... Может отыскать любого человека в стране... даже если никогда его раньше не видел... и не знает места, где он живет...

— Как? — не понял отряг.

Фикус задумался.

— По запаху, может?

— Как собака? — недоверчиво выпятила губу царевна.

— А чем королевский голубь хуже какой-нибудь помоечной шавки? — обиделся лекарь. — В любой точке страны и даже за границей!

— С дуба падали листья ясеня... — присвистнул Кириан, и лютня его с тихим изумлением звякнула в такт словам хозяина.

— Но зачем королю присылать матери покойной кухарки волшебного голубя ценой в дуб? — в непонимании наморщил лоб Олаф.

— Которая после этого сбегает из дому, наложив на крыльцо заклятье?.. — продолжил менестрель.

Как не замедлил бы выразиться отсутствующий Ахмет, масло растерянности царевны можно было черпать ложкой оторопи и намазывать на лаваш недоумения.

— Вот бы знать... вот бы знать...

Голубая птица массового поражения была спущена с чердака в дом с приличествующей ее стоимости церемонностью. Поискав глазами вокруг и не найдя, куда бы можно было поставить просторную клетку, незваные гости вернулись на кухню, она же прихожая, отодвинули на край стола

тарелки с недоеденным то ли обедом, то ли завтраком, и водрузили птицу на усеянную крошками столешницу.

— А разговаривать, часом, он не умеет? — глянул с надеждой сначала на голубя, потом на атлана менестрель.

— Н-не думаю... — без особого убеждения пробормотал окончательно растерявшийся медик.

— Хотя при его цене мог бы не только говорить, но и пирожки жарить, и на скрипке играть, и крестиком вышивать, — заметила Сенька.

Птичка, похоже, соображений царевны не разделяла, потому что коротко буркнула что-то себе под клюв и демонстративно повернулась к честной компании тылом.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что к лапке голубя был прикреплен небольшой цилиндрический футлярчик — увы, пустой.

— Значит, он письмо сюда принес, — глубокомысленно почесал подбородок отряг. — Которое старушка достала, прочитала...

— И убежала, — снова добавил Кириан. — Предварительно превратившись в ведьму.

— А может, ведьма уже была с ней? — Сенька кивнула на задвинутый к стене ассортимент тарелок. — Для одного человека — многовато.

— И они вместе убежали? — уточнил бард.

— Может, вместе. Может, по

отдельности... — вздохнула царевна. — Главный вопрос теперь в том, вернется ли бабулька обратно...

— А если вернется, то когда, — резонно подытожил конунг. — Нам ждать недосуг.

— Хм-м-м... — хмуро скрестила руки на груди Серафима, обдумывая возможные варианты развития событий — один другого кислее.

Вдруг глаза Кириана зажглись.

— Слушай, Фикус!

— Да, музыкант? — настороженно покосился на него лекарь.

— А ты умеешь этими птичками пользоваться? — бард ткнул пальцем в голубя, апатично восседавшего на жердочке, словно происходящее вокруг его совсем не касалось.

— Нет, — покачал головой атлан. — Этим занимается исключительно королевский голубятник, волшебник, перенявший секреты ремесла у своего учителя лично. Да я и не думаю, чтобы почтовые голуби стали слушаться простого человека...

— Жалко, — поджав губы, хмыкнул менестрель. — Значит, отправить его с запиской к Вишне или Груше не удастся...

— И что теперь делать будем? — вопросительно пробасил отряг.

— Как всегда в таких случаях, — вздохнула

Сенька, — поступим предельно тупо.

— Это как?

— Пойду, поговорю с соседями. Ждите меня... ну, скажем, на том же углу: в дом вернуться без наших переодеваний я все равно не смогу. Да и зачем?

— Осмелюсь предложить вашему величеству и вашему высочеству встретиться в трактире, — услужливо произнес знахарь. — Направо, в двух кварталах отсюда, на углу этой улицы и Большой Торговой. «Скелет в шкафу».

— Замечательное название! — хмыкнул Кириан, и глаза его впервые за весь день радостно заблестели.⁴¹

Оживился и Олаф:

— А пирогами там кормят?

— Что закажете, ваше величество, тем и кормят.

— Первая хорошая новость за сутки! — расцвел было конунг, но почти сразу же осекся смущенно. — Слушай, Сим, если хочешь, мы можем пойти говорить с соседями вместе с тобой!

---

⁴¹ Если бы даже трактир носил название, выигравшее гран-при Всесветного конкурса на самое дурацкое, или был бы безымянным, энтузиазма уставшего, оголодавшего и почти засохшего барда это бы не убавило.

— Если они окажутся не слишком разговорчивыми, я намекну им, что ты тоже хотел заскочить пообщаться, — дрогнули губы Серафимы в шkodной улыбке, но тут же снова поджались и напряглись.

— Что случилось? — заметил и забеспокоился рыжий воин.

Но ее ответ был обращен к придворному знахарю.

— Мастер Фигус... а Груша когда-нибудь вообще держала в доме птиц?

— Что? — встрепенулся, точно испуганный селезень, доктор, вырванный обращением откуда-то из глубин своих мыслей. — Птиц?.. А-а, нет, что вы, ваше высочество. Собака у ней была, большая, рыжая такая, одноглазая, злющая... а птиц не было. А отчего вы спросили?

Царевна окинула критическим взором ажурное сооружение из медной проволоки, прикидывая, не могла ли строгая бабка помещать туда в качестве наказания разбушевавшуюся псину, но отмела это предположение как вивисекторское изначально и вздохнула.

— А оттого, мастер Фигус, что если волшебные голуби, кроме писем, не носят с собой еще и клетки...

— Старушка могла ее купить на любой барахолке, — возразил бард.

— Вот именно, — поправила меч Сенька и шагнула к двери. — Могла — и купила. Но это означает, если я хоть что-то соображаю, что случайное письмо у нас на глазах превращается в регулярную переписку.

— С каждой минутой становится всё яснее и яснее... — пробормотал отряг, страдальчески морща лоб в попытке выжать из их ситуации хоть каплю смысла или логики. — И, кстати, собаку-то как раз я во дворе не заметил.

— Погулять удрала? — пожал плечами Кириан, вспомнив собачьи сообщества, рыскающие по улицам в поисках еды и развлечений, представил одно из них, возглавляемое большой рыжей злобной псиной, увидевшей, как из дверей ее дома появляются непонятно кто...

— Когда будем выходить, ты, Олаф, первым иди, — хмуро проговорил миннезингер.

— Почему? — удивленно глянул конунг.

Голос менестреля дышал спокойным мужеством и верностью долгу боевого товарищества.

— Сейчас моя очередь прикрывать тылы.

Как бы ни ухмылялся конунг и ни хихикала царевна, было похоже, что Кириан отнесся к выбранной себе задаче чрезвычайно ответственно: Фигус и Олаф спустились во двор, обошли его в поисках собаки или хоть чего-нибудь, что могло бы

подсказать, куда ушла ее хозяйка, ничего не обнаружив, вышли на улицу... А его все не было и не было. Но когда отряг и знахарь уже начинали волноваться, не приключилось ли чего с пиитом,⁴² и рассчитывать, в каком сочетании им меняться одеждой и инструментами, чтобы снова вернуться в дом, дверь, наконец, распахнулась, выпуская на крыльцо странно задумчивого и притихшего менестреля.

И никто из его товарищей не видел, как в открытое окно дальней комнаты вылетел и пропал в синеющем подступающей ночью небе королевский голубь.

Прошел почти час, прежде чем Сенька, утомленная, но еще больше — угрюмая, ловко проманеврировав между занятыми до последнего угла столами, приземлилась рядом с товарищами.

На улице было тепло, и большой камин в дальней стене зиял холодным черным провалом за витой чугунной решеткой. Какофония из гари и кухонных ароматов наполняла общий зал, смешиваясь причудливым образом с запахом горячего железа и меди. Ровный гул голосов и стук оловянной посуды о медные столешницы вызывали

---

⁴² Хотя главной версией все-таки было, не нашел ли он там запас продуктов и, самое важное, пива или вина.

мысли то ли о какой-то странной кузнице, то ли о большом загадочном механизме.

Так вот ты какой — атланский трактир...

Серафима пробежала по столу голодным взглядом. Конунг, перехватив его, заботливо придвинул ей кувшин с пивом.

— Мы тебе заказать чего-нибудь хотели, но побоялись, что остынет.

— Ну, фак, фё-нифуть фыиснивьось? — Кириан, тоже поймавший взор царевны, торопливо затолкал в рот последний пирожок, еще оставшийся на блюде, и с нетерпением подался вперед.

— Матушка Груша не вернулась?.. — тревожно моргнул знахарь, и быстро добавил: — ...ваше высочество.

— Давай пока без величеств и высочеств, ладно? — устало выдохнула Сенька, плеснула в свободную кружку пива, понюхала, сморщилась, но все равно пригубила — ровно настолько, чтобы убедиться, что обоняние ее не обмануло.

— Похоже, дело отравления клиентов поставлено здесь на поток... — скривилась она и брезгливо отодвинула оловянную тару.

Из-за спин посетителей, расположившихся за соседними столами, вынырнула пышнотелая низкорослая женщина в вышитом желтом чепце и в то ли застиранном, то ли по жизни бежевом

фартуке поверх красного платья. Приняв заказ на свиное жаркое с картошкой и зеленью,⁴³ она коротко кивнула и снова пропала в гуще толпы, как охотник в лесу.

— Ну так что? — прожевав, повторил свой вопрос менестрель, обиженный отсутствием немедленного ответа.

— Ничего. В последний раз соседи видели Грушу с месяц назад. Вернее, так видели, что запомнили это.

— А еще можно видеть так, чтобы не запомнить? — отхлебнув из отвергнутой Сенькой кружки, ехидно сострил бард.

— Можно, — ко всеобщему удивлению не поддавалась на провокацию их разведчица. — Например, никто из тех, кто гоготал над нашими нарядами, уже через полчаса не вспомнил, что мы заходили в дом.

— Это как так? — нервно оглянулся по сторонам Олаф. — Магия?

— Угу, — исчерпывающе отозвалась царевна.

— Но матушка Груша не ведьма! — возмущенно покраснел придворный врач.

— Быть ведьмой — не стыдно, — сурово

---

⁴³ «Две порции!» — успел выкрикнуть ей вслед Кириан. — «И соланского красного бутылку! Две!»

проговорила Сенька, и Фикус завял.

— Да, ваше высоче... Да. Нет. Ничего стыдного. Совсем. Ведьма — профессия не хуже и не лучше плавильщика, скажем, или гончара, или лекаря. Но...

— Но при встрече с гончаром и даже с лекарем никто не старается на всякий случай перейти на другую сторону улицы, — усмехнулась царевна.

— Нет!.. То есть... да...

Менестрель поискал глазами, чего бы еще съесть, не нашел, и долил себе пива.

— Заклинания отвода глаз и склероза, — подняв указательный палец к закопченному медному потолку, провещал поучительно он, — мог бы накладывать на нее этот ваш колдун-коммерсант, как его там... Саксаул?

— Кизил, — сухо поправил Фикус.

— Один пень, — пренебрежительно дернул плечом Кириан и продолжил важно с видом мирового эксперта по волшебству: — К чему я клоню, так это к тому, что магия — самый простой и действенный способ спрятаться у всех на виду.

— Не знаю, как на дом, но на человека свежий отвод глаз надо накладывать каждый день, если не каждые полдня, — упрямо помотала головой Серафима. — Думаешь, каждый раз перед тем, как вернуться, положим, из лавки домой, она заходила